

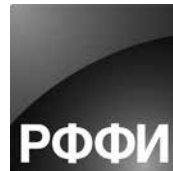
Российская академия наук
Институт археологии

Ю. Ю. МОРГУНОВ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ ПЕРЕЯСЛАВСКОЙ ЗЕМЛИ

(Святослав Игоревич – Ярополк Владимирович)

Вологда
 Древности
Севера
2019

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
по проекту № 18-19-00161,
не подлежит продаже.

Ответственный редактор:
доктор исторических наук А. А. Мединцева.

Рецензенты:
кандидат исторических наук В. Ю. Коваль,
доктор исторических наук А. Е. Леонтьев.

Моргунов Ю. Ю.

М 79 Историческая география Переяславской земли (Святослав Игоревич – Ярополк Владимирович) / Ю. Ю. Моргунов ; [отв. ред. А. А. Мединцева] ; Рос. акад. наук, Ин-т археологии. – Вологда : Древности Севера, 2019. – 375 с.: ил.

ISBN 978-5-93061-131-1

Монография посвящена изучению исторической географии основной (южной) части Переяславской земли на протяжении второй половины X в. – 1132 г. – это время сложения, оборонительного и политического расцвета земли-княжения. Исследование основано на комплексном анализе летописных и археологических источников на фоне детализированной ландшафтной характеристики региона. Основным источником работы являются остатки крепостных сооружений: это позволяет во многом уточнить ход формирования земли-княжения, динамику ее развития и локализацию населенных пунктов. Вниманием не обделены важнейшие военные и торговые пути, ход христианизации юго-восточной окраины Руси и характер изменения внутренних и внешних границ Переяславской земли.

Для историков, географов, археологов, музейных работников, краеведов и студентов.

УДК 94(47).025/027
ББК 63.3(2)41

ISBN 978-5-93061-131-1

© Моргунов Ю. Ю., 2019
© Институт археологии РАН, 2019
© Оформление. ООО «Древности Севера», 2019

Введение

Историческая география развивалась как область исторического знания и пользовалась системой гуманитарных и социальных методов исследования. Она занималась изучением вопросов, имеющих для истории хоть и немаловажное, но вспомогательное значение. Долгое время ее источниковую базу составляли письменные памятники и топонимика, периодически ее пополняли отрывочные сведения о недостаточно или вовсе не датированных следах древних укреплений.

На фоне высокой степени изученности письменных источников в последний полувековой отрезок историко-географический анализ уже не может обойтись без учета археологических памятников. А с углублением их датирующих возможностей остатки древних укрепленных и открытых поселений, а также могильников порой составляют единственный комплекс источников, способный донести многообразную информацию о различных сторонах жизнедеятельности древнего населения. Поэтому на новом уровне развития археологическая составляющая становится едва ли не наиболее значимым элементом историко-географических исследований. Этому способствует общность их основополагающих методических принципов – временному и пространственному подходам (Вампилова, 2008, с. 42). Поэтому, согласно общему мнению, в настоящее время обновленная таким образом наука постепенно становится интегрированной, закрепившейся на стыке истории и географии в общих рамках изучения исторического процесса.

Действительно, в основе археологических исследований лежит изучение материальной канвы в рамках сопредельных хронологических периодов, близким историко-географическим срезам, применяющимся для анализа материалов конкретных эпох. Не менее существенно и обозначение географических пределов изучаемой территории. Важность этого принципа трудно переоценить. Он предусматривает возможность сопоставления полученных выводов с данными сопредельных территориальных образований в соответствии с едиными единицами историко-географического районирования. Отсюда происходит и необходимость привлечения к анализу естественно-научных данных, позволяющих реконструировать древние физико-географические ландшафты. Порой это позволяет уточнить полноту заселения отдельных микрорегионов или, наоборот, понять причины неполного освоения иных территорий.

Так, высшей единицей районирования считается историко-географическая область, территория, отличающаяся общностью исторического развития и определенными хозяйственно-культурными особенностями (Жекулин, 1982, с. 80 – 84). Области состояли из несколько обособленных, но взаимосвязанных крупных историко-географических регионов, изучению которых будет отведен один из разделов этой работы. На основании изучения исторически сложившихся скоплений укрепленных и открытых поселений, а также обширных курганных могильников, разделенных естественными рубежами или незаселенными поясами, внутри историко-географических районов порой удастся выделить микрорайоны (или микрорегионы), формирующиеся вокруг культурно-хозяйственных поселенческих центров. Это своеобразные «ядра» освоения и развития конкрет-

ной территории в ее естественных или политически организованных пределах (Жекулин, 1982, с. 92–96). В археологической литературе нередко их идентифицируют с летописными волостями в узком понимании этого термина.

В предлагаемом исследовании рассматривается лесостепная юго-восточная область Руси – Переяславская земля-княжение периода ее сложения и апогея ее особой защитной и политической значимости. Судя по контексту летописных источников, Переяславское княжение задумывалось в качестве защитного барьера киевского поселенческого средоточия от кочевнических вторжений с юго-востока. Первый, может быть, отчасти стихийный (или интуитивный?) этап этого процесса состоял в необходимости отодвинуть внешние пределы государства от столицы. А приближение половецкой экспансии заставило перейти к сложению полноценного оборонительного региона.

С успехом этой акции значимость территории для безопасности южных земель неоднократно подчеркивалась хотя бы тем фактом, что княжение на Трубеже нередко было пробным камнем, на котором проверялась пригодность кандидатов на великокняжеский стол. Это могло быть связано с немаловажным для метрополии умением князя организовать защитные мероприятия на рубеже оседлого расселения. Не последнюю роль играли и разные формы контроля претендента и его родственников над более благополучными землями, которые материальными и воинскими ресурсами поддерживали жизнеспособность разоряемой кочевниками окраины (Ляскоронский, 1903, с. 50–53; Кучера, 1975, с. 126, 127; Коринный, 1992, с. 55–58; Моргунов, 1998). Поэтому хронологический диапазон исследования ограничен периодом конца X – первой четверти XII вв., что соответствует времени сложения и расцвета земли-княжения: после смерти Мстислава Владимировича Великого в 1132 г. начался распад Руси на самостоятельные княжества.

Основной целью исследования является основанное на комплексном единстве летописных и археологических источников изучение исторической географии Переяславской земли на фоне детализированной ландшафтной характеристики региона. Не менее важна задача показать не только историю и территориальные особенности уже сложившегося княжества, но и его предтечу – начало заселения левобережных лесостепных владений Киевом, которое исподволь началось еще при Святославе Игоревиче.

Логически основной единицей археологической составляющей должны были бы служить «открытые», т. е. неукрепленные поселения, но они картографируются крайне неполно. Прежде исследователи не обращали на них должного внимания, зачастую лишь вскользь отмечая наличие селищ, сопровождавших укрепленные поселения. Да и сейчас примеры сплошного обследования более или менее обширных участков территории крайне редки, поэтому основным источником работы стали крепостные сооружения. Они позволяют лучше оценить особенности сложения региона, локализацию летописных пунктов и направление важнейших путевых трасс. В значительной степени они позволяют определить формы заселенности и динамику ее развития в целом, так как сложение защитной системы пограничного со степью княжения как нельзя лучше отражает процесс формирования поселенческих структур. Не останутся без внимания важнейшие военные и торговые пути, а также ход христианизации юго-восточной окраины Руси. В итоге все это позволит уточнить характер изменения внутренних и внешних границ Переяславской земли.

Несмотря на то, что исследователи последних десятилетий всё чаще обращаются к археологическим источникам, в памяти свежи ставшие хрестоматийными

выводы, основанные на мелкомасштабном картографировании и даже на «слепых» картах. В современной литературе бытуют и оставшиеся от прошлого отождествления, основанные лишь на созвучии современных топонимов с именами летописных пунктов. Отсюда происходят порой ныне не объяснимые разночтения в исторических интерпретациях. Поэтому методической основой этой работы является максимально полное привлечение к анализу городищенских материалов в пределах их обоснованных датировок. К этому призывает возможность их отождествления с летописными городами. Сопоставление археологических материалов с информацией летописных источников дает возможность более жестко очертить хронологические рамки отдельных этапов территории, связать их с конкретно-исторической обстановкой и выявить причины неравномерности и различной интенсивности оборонительного строительства.

Представленные городищами остатки укрепленных поселений занимают особое место в изучении древнего расселения: в одних примерах они размещались среди сложившихся поселенческих средоточий, становясь их экономическим эпицентром, оплотом их безопасности и связующим звеном на торговых и внешних путях. В других же их появление вызывало зарождение нового расселения, нуждавшегося в защите от внешнего натиска. Кроме того, как центры поселенческих скоплений разных категорий остатки укрепленных поселений фиксируют пределы территориальных образований разного уровня, а порой и внутреннюю структуру крупнейших из них.

Эта работа не претендует на решение всех историко-географических проблем: скорее она призвана служить примером того, насколько глубже могут их осветить археологические методы исследований. Вдумчивые критики, несомненно, обнаружат в этой работе недостатки, ошибки и пробелы, но хочется надеяться, что она несколько освежит интерес к этой тематике. Следует подчеркнуть, что узкоспециальные вопросы и более подробные описания памятников вынесены в примечания, помещенные в конец крупных разделов: так они не будут отвлекать внимание читателей от особенностей археологического анализа и разнообразных побочных наблюдений.

Пользуясь случаем, хочется выразить искреннюю признательность многим коллегам, помогавшим мне существенными замечаниями и рядом мудрых советов: боюсь, что всех перечислить трудно. И все же не могу не упомянуть постоянную поддержку и рекомендации В. Ю. Ковалю, А. Е. Леонтьеву и А. В. Чернецову. Особой благодарности заслуживает и множество украинских коллег, предоставляющих для ознакомления свои новейшие публикации, а также сборники статей, с трудом осваивающие российское историографическое пространство. В этом плане, пожалуй, ведущее место принадлежит удивительной по охвату материалов публикационной деятельности полтавского исследователя и организатора А. Б. Супруненко. Без подобной поддержки я рисковал лишиться наиболее значимого для данной тематики массива современной литературы. Нельзя признательно не упомянуть и столь необходимые консультации по новейшим материалам, которые мне любезно предоставляли Ф. С. Гавриленко, М. Б. Иванов, Е. Н. Осадчий, В. В. Приймак, А. О. Прядко, В. В. Шерстюк и другие специалисты. Надеюсь, что это общение было паритетным и принесло взаимную пользу.

Источники и историография

Письменные источники

Базовым источником исследования являются древнерусские летописи. Из них основными для рассматриваемой темы являются древнейшие – Лаврентьевская и Ипатьевская. Они содержат обстоятельные сведения о политических событиях и дают наиболее достоверные факты для их географической локализации. Оба летописных свода начинаются Повестью временных лет (далее – ПВЛ), неравномерно раскрывающей события интересующей нас территории. Довольно кратко сведения о Переяславской земле были представлены в основной части ПВЛ, Древнейшем киевском своде, вышедшем из среды, близкой Ярославу Мудрому. Еще А. Н. Насоновым были подмечены трудности в понимании, насколько полно дошел до нас этот свод в обработке позднейших редакторов. Исследователь показал, что сохранившиеся фрагменты носят «печать ограниченности, характер местной, киевской, "областной истории"» (Насонов, 1969, с. 43–46). Это отрицательно сказалось на полноте освещения событий левобережной части «Русской земли».

В свою очередь, Начальный свод в составе ПВЛ содержал оценку политических событий, довольно независимую от мнения киевских князей. Такие суждения отцов Киево-Печерского монастыря сложились в определенный идеал киевского князя и княжеского единства Рюриковичей. Неизвестный нам автор, печерский черноризец, писал о трагических условиях половецких вторжений первой половины 1190-х гг., что обостряло акценты сведений о борьбе с кочевниками. Кроме Древнейшего свода, этот монах использовал довольно широкий круг источников. Благодаря этому в Начальном своде, в частности, появилась первая точная датировка половецкого рейда 1061 г. (ПСРЛ, т. 1, с. 63; Насонов, 1969, с. 47–57). В целостном виде ПВЛ сформировалась в том же монастыре приблизительно через 15 лет после Начального свода, в 1111 г., во время развернутого наступления Руси на Половецкую степь. Применительно же к X в. киевское летописание не пополнилось существенными сведениями о борьбе с кочевниками. Они имели легендарный характер, как, к примеру, сюжет о поединке отрока с печенегом на Трубеже или о белгородском «киселе» (Шахматов, 1916, с. 155–157, 161–163). Скупое освещение известиями об интересующей нас территории и XI век, но с 1094 г. левобережные события начали упоминаться чаще. В этом плане исключительный интерес представляет включенное в Лаврентьевскую летопись (далее – ЛЛ) уникальное «Почтение» Мономаха, содержащее множество новых сведений, не нашедших отражения в основном тексте ПВЛ.

Для XII в. мы располагаем фрагментами переяславского свода, сохранившимися в ЛЛ. На его базе начиналось Владимиро-Суздальское летописание, первая часть которого была представлена в ПВЛ и продолжена сокращенной в Переяславле редакцией киевского летописания с дополнением местных записей. Они велись при епископской церкви св. Михаила. Менее полно переяславская традиция отразилась в так называемом Киевском своде 1198 г. Концептуально структура ПВЛ была разработана А. А. Шахматовым (2001), соотношение предшествовавших ей текстов тщательно анализировалось и А. Н. Насоновым (1969, с. 80–111).

Некоторые из утраченных сводчиками сведений иногда восстанавливаются сравнением с Новгородской первой летописью (далее – НПЛ). Подчас уникальные подробности событий содержатся в «Истории Российской» В. Н. Татищева (1963, 1964). Часть исследователей уверена в том, что в ее основе лежал не дошедший до нашего времени летописный свод. Тем не менее наличие неизвестных по другим сводам сообщений и принадлежащих перу великого историка вольных трактовок событий заставляет осторожно пользоваться этим источником, сравнивая содержание двух редакций этого труда (Добрушкин, Лурье, 1970, с. 219–224; Добрушкин, 1977, с. 76–97).

Летописные источники использованы в репринтном воспроизведении классических выпусков 1–3 томов Полного собрания русских летописей (далее – ПСРЛ). При отсутствии существенных для темы различий и вариантов в других текстах ПВЛ ниже цитируется по Лаврентьевскому списку.

Археологические источники

Типологическое разнообразие археологических памятников предоставляет универсальные возможности для изучения исторических процессов. Отсюда следует их незаменимость и в историко-географических исследованиях в качестве пространственно-хронологического фактора. Так, погребальные древности позволяют проследить этническую историю и содержат информацию по христианизации населения, но их подавляющее большинство исчезло, активно они уничтожаются и сейчас. А выявление и картографирование «открытых» поселений – селищ, как упоминалось выше, является задачей далекого будущего. Поэтому на передний план исследовательской работы выдвигаются городища – руинированные остатки укрепленных поселений. Корни этого термина восходят к летописной лексике: в письменных источниках «город» – это обобщенное понятие о существующем населенном пункте порой неопределенного политического и поселенческого содержания, обнесенном укреплениями разной сложности. «Городищем» же именовали разрушенное или сожженное укрепление (ПСРЛ, т. 2, с. 839). Но в любом случае обе категории отличаются от открытых поселений или селищ наличием остатков внешних оборонительных атрибутов – валов (руин крепостных стен) и рвов.

Компоненты крепостного комплекса лучше распознаются на местности, поэтому всегда привлекали внимание и фиксировались не в пример чаще открытых поселений. Но и сейчас их уничтожают при застройке и хозяйственном использовании земель, а культурные напластования вычищаются «черными копателями» при помощи металлодетекторов. Тем не менее они более доступны для картографирования при помощи старых топографических карт и аэрофотосъемки; в последние годы стало популярным и привлечение материалов спутниковых съемок. Но воистину бесценным остается многолетний опыт проведения раскопок как в ныне не заселенной местности, так и в условиях городской застройки. Таким образом, за исключением поросших лесами земель, можно предполагать об удовлетворительной полноте современных представлений о количестве и размещении подавляющего большинства укрепленных поселений.

На этом фоне постепенно увеличивается и количество городищ, подвергшихся хотя бы разведочным обследованиям: порой и они позволяют существенно уточнять время возникновения тех крепостей, которые прежде связывали лишь

с их первыми упоминаниями в письменных источниках. Таким образом, не подлежит сомнению, что укрепленные поселения маркировали внешние пределы оседлого расселения и сопредельных территориальных образований, древние военные и торговые трассы, а их скопления указывают на особую концентрацию сельского населения. Следовательно, этот вид источников применим для широких обобщений.

В дальнейшем к термину «городище» придется обращаться почти на каждой странице. Поэтому ниже будут нередко применяться и расширительные эквиваленты его первоначального именованья: «оборонительное сооружение», «укрепленный населенный пункт», «крепость» и даже «форпост». Другими словами, все то, что связано с защищенными стенами поселениями, вне зависимости от их социально-экономического и функционального назначения. Надеюсь, что это не будет воспринято как ошибка: социально-историческая интерпретация остатков укрепленных поселений лишь немногим касается тематики этой работы, поскольку материалов для этого пока недостаточно.

Переходя к истории введения городищ в научный оборот, следует подчеркнуть, что подобные обзоры уже публиковались уважаемыми предшественниками (Куза, 1989, с. 14–29; Коринный, 1992, с. 6–19; Куза, 1996, с. 7–15; Колибенко, 2005; Колибенко, 2010; Комар, 2012). Они посвящены не только анализу обобщающих работ и оценке исследований важнейших памятников, но и подробному описанию отдельных объектов, информация о которых содержится только в полевых отчетах. Это позволяет ниже ограничиться оценкой лишь ключевых вопросов, оказавших наиболее существенное влияние на развитие этой тематики.

Не останавливаясь на эпохе зарождения интереса к изучению городищ, необходимо подчеркнуть переломный момент, вызванный монографией Д. Я. Самоквасова «Древние города России» (1873) и его инициативой по анкетированию сведений о древних укреплениях (Щавелев, 1992, с. 255–264). Эта книга не только вызвала массовый интерес к поиску и изучению древностей, но сделала первый шаг в признании городищ в качестве нового исторического источника. Применительно к изучаемой территории его достойным последователем стал историк и нумизмат В. Г. Ляскоронский, совершавший сплошные объезды памятников по речью Сулы, а затем и всего Левобережья Среднего Днепра (1901, 1907 а, 1911). Не умея определять время существования укреплений, В. Г. Ляскоронский датировал их, исходя из намеченных Д. Я. Самоквасовым закономерностей плановой структуры. Особую ценность в работах В. Г. Ляскоронского представляют на тот момент достаточно точные, а часто и единственно уцелевшие глазомерные планы городищ, тщательность описаний оборонительных сооружений и нередкие указания на характер подъемного материала.

В Полтавской губернии анкетирование городищ продолжил статистик, член полтавской Ученой архивной комиссии Л. В. Падалка (1905, 1914). Позже Н. Е. Макаренко переписал и издал материалы анкетирования Центрального статистического комитета 1873 г., относящиеся к Полтавской губернии и хранившиеся в Археологической комиссии (1917). Вслед за начатым Д. Я. Самоквасовым полевым изучением курганных древностей Переяслава в 1914 г. эта работа была продолжена В. М. Щербаківським (Щербаківський, 1925, с. 339–348; Бузян, Колибенко, 1993; Лесман, 2008).

Исключительным стал научный вклад археолога и искусствоведа Н. Е. Макаренко, он начал изучение городищ роменской культуры и осмысление культурно-исторического места нового археологического массива в целом (1906, с. 119, 120;

1907, с. 38–90; 1925; 1927). Под его непосредственным влиянием целенаправленные разведки и небольшие раскопки древнерусских памятников продолжила плеяда талантливых музейных работников и краеведов, среди которых выделяются имена М. Д. Ренского (1925), М. М. Семенчика (1927) и М. Рудинского (1928). Но неконтролируемая инициативность местной интеллигенции повсеместно кардинально пресекалась властями. После вызванного этим перерыва новые исследования были проведены Н. Кузнецовым в г. Лубны лишь в 1939 г. Но и они не были закончены, а полевые дневники были опубликованы почти через 10 лет (Кузнецов, 1948).

Исследования Левобережья продолжились сразу по окончании войны. К этому времени скопился значительный фонд литературных и краеведческих наблюдений; сборы подъемного материала, итоги шурфовок и случайные находки осели в музеях; в значительной мере была изучена культурно-хронологическая принадлежность большинства укреплений.

Но поначалу качество полевых исследований не улучшилось. Так, обследовавший городища Посулья Ф. Б. Копылов в 1945–1947 гг. в подавляющем большинстве лишь собирал подъемный материал, реже занимался шурфовкой и создавал глазомерные планы (Копылов, 1947; 1949; 1952; 1953–1954). Более высоким уровнем отличались исследования И. И. Ляпушкина в 1947–1948 гг. Они открыли качественно новый этап комплексного подхода к изучению остатков крепостей: кроме скрупулезно проведенных полевых работ им был обобщен громадный литературный материал, описывались и вводились в научный оборот музейные коллекции. Исследователь впервые разработал подробную культурную и социально-экономическую характеристику городищ роменской культуры (1958, 1961, 1968). Но в разведочном отношении исследования И. И. Ляпушкина отличались скорее широтой охвата, нежели углублением методических возможностей. Они ценны лишь общими датировками городищенских напластований, которые и поныне дублируются многими последователями. Исследователь не задавался целью уточнения датировок, к примеру, древнерусских этапов существования укреплений: время для этого еще не наступило.

В послевоенные годы началось и проведение стационарных раскопок. В Переяславе их начал в 1945 г. Б. А. Рыбаков, в 1949–1956 гг. они были продолжены под руководством М. К. Каргера. Со временем были выявлены остатки почти всех известных по летописям памятников каменного зодчества (Каргер, 1954, с. 271–296). В 1959–1963 гг. комплексная экспедиция под руководством Р. А. Юры исследовала остатки епископского дворца, Епископских ворот, ряд других сооружений XI–XII вв. (Асеев и др., 1962, с. 57–61; Асеев и др., 1967, с. 199–214). Серия раскопочных работ этого времени стала своеобразным полигоном, совершенствовавшим научное мастерство таких исследователей, как П. А. Раппопорт, М. Ю. Брайчевский, И. И. Ляпушкин, Р. А. Юра. А затем раскопки города на Трубеже много лет продолжал коллектив Переяслав-Хмельницкого государственного исторического музея под руководством М. И. Сикорского.

В 1956–1959 гг. Кременчугской экспедицией ИА АН УССР проводились широкомасштабные раскопки подлежащих затоплению остатков летописного г. Воиня (Довженок и др., 1966). Эта крепость-гавань и поныне остается наиболее изученным укреплением на территории Переяславской земли. В процессе раскопок сформировались научные интересы известного исследователя древнерусских укреплений М. П. Кучеры: он был первым изыскателем и публикатором многих десятков городищ Украины. Многие годы он был единственным, кто неизменно сопровож-

дал разведочные работы изготовлением глазомерных планов, хотя нередко и ограничивался традиционным сбором подъемного материала (1976, 1978).

Несмотря на скромный объем левобережных работ, исследования П. А. Раппопорта буквально совершили переворот в полевой методике ведения разведок. Применявшаяся им частичная прорезка валов позволяла уже на стадии разведок отделить «догородищенские» напластования от культурного слоя, образовавшегося после возведения крепостных стен. Им был отработан и прогрессивный способ датировки напластований по сочетанию типологических групп круговой керамики (1954 а). Эти новации во многом опередили свое время и не сразу были оценены современниками. Более широкую известность получила его разработка типологической классификации городищ различных историко-географических областей Руси. И в конечном итоге топографическое положение и планировка укреплений стали самостоятельным и надежным руслом изучения укрепленных поселений. Эти обобщающие исследования по праву стали новым этапом осмысления археологических материалов и не устарели по настоящее время (Раппопорт, 1956, 1961, 1967).

Итоги изучения памятников юго-восточной окраины Руси были подведены Б. А. Шрамко, наметившего и дальнейшие пути исследования этого региона (1962). А после проведенного В. А. Богусевичем обобщения материалов летописного Остерского Городка его исследования были возобновлены почти тридцатилетием позже (Богусевич, 1962; Козаков и др., 1989).

В 1971 г. М. П. Кучера и О. В. Сухобоков совершили подобный ляпушкинскому грандиозный объезд роменских и древнерусских городищ Левобережья (Кучера, Сухобоков, отчет 1971 г.). Его материалы легли в основу сводного издания «Древнерусские поселения Среднего Поднепровья», где описания левобережных объектов были сделаны О. В. Сухобоковым (1984). Несмотря на некоторые неточности и недостаток иллюстраций, эта публикация стала заметной вехой в изучении городищенских древностей. Она оказалась более удачной, нежели печально известные поверхностностью и непроверенной информацией «Короткий список» (1966), справочник по археологии Полтавской области (Довідник, 1982) и новейший энциклопедический словарь. В археологической части последнего издания наряду с достоверными сведениями об археологических объектах и понятиях нередкой оказалась и сильно устаревшая информация (Полтавщина, 1992).

С начала 70-х годов материалы известных городищ Руси собирались и осмысливались А. В. Кузой. Последовательно соблюдая принцип историзма, он блестяще раскрыл уникальные возможности работы с этим сложным и противоречивым источником (1983, 1985, 1989). В 1996 г. посмертно вышел в свет его законченный еще в 1981 г. свод «Древнерусские городища X–XIII вв.», являвшийся источниковой и методической основой его последующих публикаций. В монографии не только показана связь изменения размеров укреплений по мере их развития, но и преобразование их функциональной нагрузки и роли в сложении государственной территории.

Эта работа указала на недостаточную изученность городищ и необходимость новых полевых изысканий. Поэтому в 1972 г. по инициативе Б. А. Рыбакова и под руководством А. В. Кузы автором этой работы началось новое разведочное изучение посульских городищ. Инициатор разведок предполагал, что новый сбор подъемного материала и уточнение планировки укреплений подтвердят его схему расширения восточных пределов Переяславской земли. Он желал убедиться в том, что посульская оборонительная линия в довольно целостном виде возникла

на рубеже X–XI вв., поречье Псла укреплялось в XI в., а на Ворсклу границу отодвинули в XII в. Но А. В. Куза настаивал на том, что новации П. А. Раппопорта показали непригодность подъемного материала для определения времени строительства оборонительных сооружений.

Поэтому основой разведочной методики стала прорезка внутренних склонов городищенских валов: они показали, что под руинами стен содержались напластования предшествовавших открытых поселений. Кроме того, даже стационарные раскопки не всегда достоверно позволяют разделить обнаруженные сооружения на возникшие ранее и существовавшие после появления городских стен. Первым итогом стал вывод о создании в конце X в. на Нижней Суле обширных открытых поселений, сопровождавших Змиевы валы. Затем инструментальная фиксация больших серий подъемной керамики на планах поселений и их аэрофотосъемке очертила датированные пределы расширения территории поселений (Моргунов, 1996; 1998). В 1982–1989 гг. мной раскапывались городище и посад летописного г. Снепорода у с. Мацковцы Лубенского района Полтавской обл. Украины (Моргунов, 2012), а в 1990–1992 – городище и селище Сампсониев Остров близ г. Лохвицы (Моргунов, 2003). На более широком материале они подтвердили действенность выбранной методики.

Тем временем М. П. Кучера проводил многолетние полевые исследования Змиевых валов Среднего Поднепровья: их направление кропотливо фиксировалось, обязательными стали и разрезы сооружений. Публикация полученных результатов – это буквально революционный вклад исследователя в изучение древнерусской фортификации. Признавая Змиевы валы руинами древо-земляных стен, автор фактически ввел в научный оборот новый археологический источник. Несмотря на критические замечания (Толочко, 1999, с. 66, 67), эти сооружения закрыли лакуну в древнерусской фортификации (Кучера, 1987).

Параллельно А. П. Моця занимался исследованиями курганных и городищенских древностей поречий Псла и Ворсклы (Сухобоков, Моця, 1987; Моця, 1998; Приймак, 1998; Берест, 2003). Правда, порой он невольно связывал датировки крепостей с изменениями погребального обряда соседних могильников. Ниже этому интересному феномену будет отведено особое место.

Заметным явлением стал выход в свет монографии О. В. Сухобокова о древностях Левобережья VIII–XIII вв. (1992). В первой части работы автор вернулся к написанному им в «северянском» труде 1975 г. А вторая является более или менее подробной сводкой раскопочных материалов множества древнерусских памятников, исследованных автором за почти сорокалетнюю полевую деятельность. Кроме этого, исследователь множества археологических памятников не особо утруждал себя подробными публикациями раскопанных материалов: его научное наследие в значительной мере представлено в тезисной форме, где не оставалось места для обоснования выводов.

В конце столетия в научный оборот было введено множество новых археологических материалов. Существенную информационную роль сыграло возобновление ежегодника «Археологічні відкриття в Україні», где краткие сообщения сменились обобщающими статьями и публикациями архивных материалов. В 1997 г. известный полтавский археолог А. Б. Супруненко начал выпускать «Археологическую летопись Левобережной Украины» (АЛЛУ). Кроме обзоров археологических изысканий, в ней встречаются теоретические и концептуальные статьи. По содержанию и качеству, пожалуй, это было лучшее периодическое региональное научное издание. Благодаря А. Б. Супруненко и созданному им Центру охраны

и исследований памятников археологии развернулись широкие раскопки летописной Лтавы и других объектов (Григор'ев, Кулатова, 1999; Супруненко, 1998 а; Супруненко, 1999 а; Супруненко, 1999 б). На этом исследователь не остановился: следующим этапом его деятельности стало серийное издание «Древности (Старожитностей) Левобережного Поднепровья», а также отдельных левобережных регионов и, конечно, полная публикация итогов изучения древностей Полтавы.

Результатам раскопок в бассейне Северского Донца посвящены работа Б. А. Шрамко (1991) и обобщающие труды А. Г. Дьяченко (1983, 1990, 1993, 2005, 2008). Эталонным примером изучения и публикации памятников обширного региона является монография В. А. Петрашенко и В. К. Козюбы о городищах, поселениях и могильниках побережья Каневского водохранилища (1999). Кроме итогов полевых изысканий, авторы систематизировали, иллюстрировали и подробно картографировали разновременные сведения, разбросанные по архивам и малоизвестным изданиям.

Вышла в свет и монография М. П. Кучеры, в которой автор собрал и подробно обобщил сведения почти о 700 городищах территории Украины (1999). В книге тщательно проанализированы топография и планировка городищ, конструкции стен, типы застройки укреплений и типологическая классификация крепостей. А. В. Кашкиным был создан уникальный по охвату справочник археологических объектов Курской области (Кашкин, 1998, 2000). В г. Переяславе-Хмельницком сложилась достойная плеяда последователей М. И. Сикорского. Так, экспедиции Национального историко-этнографического заповедника (НІЕЗ) «Переяслав» и Государственного педуниверситета им. Г.Сковороды продолжают изучение не только древнего Переяславля, но и всей западной части Переяславской земли (Роздобудько, Тетеря, 1996; Бузян и др., 2001). Среди них особо интересно научное творчество А. В. Колыбенко: всесторонним изучением письменных и археологических источников его статьи напоминают лучшие образцы работ до-революционных исследователей (Колибенко, 2002; 2005; 2007; Колибенко О., Колибенко О., 2002, 2004 и т.д.). Не менее познавательна и серия его статей о церковном строительстве древнего Переяславля (Набок, Колибенко, 2007 а).

Непосредственное отношение к изучению городищенских древностей имеют предложенные А. В. Коробейниковым любопытные новации по методике их исследований, апробированных на материалах древнеудмуртских городищ бассейна р. Камы (Коробейников, 2005, с. 60–72). Предметом исследования является историко-культурное реконструирование и моделирование процесса строительства и боевой службы оборонительных сооружений. На этом пути исследователь ввел в литературу понятие об уровне защиты укреплений, который логически слагался из оборонительных свойств местности и защитных качеств сооружений. Тем не менее в литературе высказывались критические замечания об этом исследовании (Носов, 2013, с. 265, 266). Хочется добавить, что приоритет в оборонительной значимости древних укреплений автор оставляет за рельефом местности, что вызвало его критику типологий П. А. Раппопорта и А. В. Кузы. Значительное число страниц новой версии отведено оценке угрозы поражения поселенцев при обстреле врагом из луков от подошвы мыса и с соседних мысов. Это противоречит планам приведенных в работе укреплённых поселений, содержащим по три напольных вала. Казалось бы, этим фортификаторы указывали на направление наибольшей опасности, исходящей для обитателей крепости, но количество руин крепостных стен введено автором в перечень второстепенных защитных критериев. Неожиданным является и за-

ключение о том, что склоны валов и мысов крутизной 45° являлись действенным препятствием как для пеших воинов, так и для всадников.

Свежий вклад кропотливой новгородской полевой методики в археологию Посеймья внесли раскопки Липинского укрепления П. И. Засурцевым и Н. К. Лисицыной (1968), но поначалу исследования местных древностей были не особо интенсивными (Узянов и др., 1979; Сухобоков, 1988 б; 1988 в; 1988 д; Приймак, 1994). На современный уровень изучения древностей курского Посеймья было выведено в 90-е годы В. В. и О. Н. Енуковыми (Енуков, 1998; 2008 а; 2008 б; Енуков, Енукова, 1999; 2011). Их многолетние раскопки известного Липинского комплекса и Курска увенчались интересными обобщающими работами (Енуков, 1998; Енуков, 2005; Енуков, 2008 а; Енуков, Енукова, 1999). Впрочем, на Липине изучалось лишь заполнение углубленных в материк котлованов сооружений: владельцы карьера загодя счистили культурные напластования. Не столь радужными были и работы в Курске; ниже их оценке будет отведено особое место. Изучение городищ Посеймья продолжил А. В. Зорин (2003). В Гочеве исследования проводились Г. Ю. Стародубцевым (2006, 2008; Стародубцев, Зорин, 2008). Нельзя не упомянуть и монографию О. В. Сухобокова, которая подвела итоги многолетних исследований археологического комплекса Каменное на р. Псёл (2012).

В 2009 г. вышла в свет монография, посвященная изучению древо-земляных укреплений Южной Руси X–XIII веков (Моргунов, 2009). Основное место в ней уделялось конструктивным особенностям городищ. В частности, я пытался на широком материале показать, что на раннем этапе развития древнерусского оборонительного строительства намеренная насыпка валов для создания на их гребнях крепостных стен не являлась самоцелью или фортификационным каноном. Это происходило спонтанно: со временем ветшавшие укрепления осыпались и обращались в валы, а лишь позже использовалась возможность возобновления стен поверх возвышавшихся над местностью грядобразных оснований. Не стану уверять, что эти наблюдения были широко одобрены в литературе, хотя и нашли последователей. Так, известный исследователь позднесредневековых крепостей К. С. Носов включил в диапазон своих изысканий домонгольский период, что сделало монографию еще более интересной. В ней исследователь не только мастерски «отточил» основную аргументацию проблемы взаимоотношений валов и стен, но и пополнил ее новыми наблюдениями (Носов, 2013, с. 28–31).

Пожалуй, на этом можно было бы закончить перечень работ, в которых изучению древнерусских укреплений Переяславской земли отводилось достойное место. Но обзор был бы неполным без упоминания имен молодых исследователей: они успешно продолжают изучение городищ этой территории (Прядко, 2013–2016; Шерстюк, 2008; Шерстюк, Прядко, 2016). Заметным явлением стали и работы сумских коллег А. В. Короти и Е. Н. Осадчего, изготовивших подробные топографические планы большинства городищ Сумской области и ее ближайшей округи (Коротя, Осадчий, 2010; Осадчий, 2016). Нельзя не упомянуть и любезно предоставленные для этой публикации фотографии многих памятников, сделанные при помощи квадрокоптеров известными мастерами Ф. С. Гавриленко, М. Б. Ивановым.

В результате совокупности накопленных уважаемыми предшественниками наработок сложилась довольно устойчивая периодизация защитного градостроительства Левобережья. На этом фоне оригинальным явлением стала статья В. В. Колоды о пользе картографирования городищ для определения основных вех славяно-кочевнических отношений (2010, с. 178–197). В ее основу легли большей частью табличные и во многом устаревшие сведения о памятниках, взятых из мо-

нографий О. В. Сухобокова (1975), А. В. Кузы, законченной еще в 1981 г. (1996), и М. П. Кучеры (1999). Они были наложены на авторские хронологические наработки о слишком широких для этой тематики диапазонах отношений Руси со Степью. Это привело к противоречивым выводам с летописной хронологией этих взаимоотношений и периодизацией русского крепостного строительства.

В качестве примера можно привести заключения исследователя о посульском регионе: получалось, что уже в VIII–IX вв. там существовали летописные города Ромен, Песочен, Синец, Кснятин, Лубен, Воишь, а восточнее – Лтава и Донец. Это не вписывается в то обстоятельство, что для VIII–IX вв. там существовали безымянные укрепления-убежища летописного племени северян. Даже Воишь возник не ранее второй половины – конца X в. Так же вольно автор обошелся с «русско-печенежско-половецким» XI веком. От него ускользнуло, что для первой половины – середины этого столетия сведений о левобережных крепостях также нет: появление приведенной им серии летописных городов датируется второй половиной – концом XI в.

Далее автор утверждает, что летописный Кснятин якобы непрерывно существовал с середины VIII – IX до середины XIV в. (Колода, 2010, с. 179–184, 186, 189, рис. 2–4). Этому противоречит накопившийся довольно представительный массив керамики, найденной там разными исследователями. Он указывает на единичность находок лепной роменской посуды и поселенческую лауну между поздне северянскими и древнерусскими отложениями. Археологи не находили там и материалов, заходивших за середину XIII в., а новая волна заселения появилась там не ранее XVI–XVII вв. (Моргунов, 1991 а, рис. 2, 3; 1996, рис. 23; Супруненко, 2000, с. 239, 240). Таким образом, автору не удалось, как он выразился, «не вдаваясь в подробности», получить искомую реальную картину славяно-кочевнических отношений.

Поскольку данное исследование охватывает значительный хронологический период, изысканиям по частным вопросам будет отведено особое место в русле изучения конкретных проблем. Это позволит на практических примерах и, следовательно, более полно оценить накопившиеся по каждому вопросу наработки множества не названных выше исследователей.

Изучение памятников летописных северян

Эта исследовательская волна не случайно стала отдельным разделом: ныне «северянская» линия существует несколько обособленно в общем русле изучения древнерусских памятников в широком понимании этого термина.

В настоящее время в литературе накопилось несколько обобщающих и историографических обзоров разного объема и качества, связанных с этой проблематикой. Кроме монографии О. В. Сухобокова (1975) следует упомянуть раздел в монографии В. В. Седова (1982, с. 133–139). Значительный вклад в изучение северянской тематики принадлежит А. В. Григорьеву (1988, 1990, 1991, 1993, 2000, с. 6–12) и В. В. Приймаку (1993, 1997, 1999 б, 2006, 2007). Анализ памятников курского Посеймья проводился В. В. Енуковым (2003, 2005). Это позволяет ниже ограничиться беглым упоминанием основных этапов изучения одной из самых значительных археологических культур днепровского Левобережья.

Выборочное изучение курганных северянских древностей началось еще в середине XIX в.: в большей степени оно коснулось северной половины ареала роменской культуры. Особый вклад и важнейшие итоги исследований принадлежали Д. Я. Самоквасову (1908). Как упоминалось выше, начало археологического

изучения укрепленных поселений было положено Н. Е. Макаренко раскопками городища Монастырище в г. Ромны. Со свойственной ему научной осторожностью исследователь не торопился датировать обнаруженные им памятники и их культурную принадлежность. Ныне хорошо изученная археологическая культура, в общих пределах датирующаяся VIII–X вв., получила имя роменской и была связана с летописными северянами.

Следующая фаза ее изучения началась с широко развернувшихся полевых исследований и интерпретаций послевоенного времени. Наибольший вклад в эту проблематику принадлежит И. И. Ляпушкину. На основании обширного выявленного и введенного им в научный оборот материала он установил географические пределы распространения культуры, уточнил ее датировку и создал не устаревающие до сих пор своды памятников (1961, 1968). Почти параллельно Д. Т. Березовец обнаружил в поречье Сейма первые открытые поселения волынцевской культуры. Автор раскопок полагал, что это был предшествовавший роменской культуре отдельный культурно-хронологический пласт (Березовец, 1953; 1975). В итоге в литературе образовалось два ярко выраженных течения: часть исследователей принимала роменскую культуру за единый культурно-хронологический круг, в котором волынцевские древности являлись подверженным хазарскому влиянию ранним этапом. Основанием для этого послужило использование носителями этой культуры круговой («салтоидной») посуды и позже вышедшего из обихода привозного инвентаря. Другие ученые принимают этот этап за самостоятельную культуру, тем не менее обе точки зрения и по сей день имеют своих сторонников.

Итоги изучения древностей летописных северян в 1975 г. были подведены О. В. Сухобоковым. В этом довольно поверхностном исследовании содержится немало неточностей, что вызвало в литературе справедливую реакцию (Григорьев, 2000, с. 10, 11). И все же нельзя отрицать весомый вклад автора в изучение северянской проблематики: это была первая монография, основанная на археологическом материале.

Исследования Большого Горнальского городища А. В. Кузой отличала тщательность раскопок, а значимые стратиграфические новации позволили значительно углубить разработку хронологии северянских древностей (Башилов, Куза, 1977, с. 17–23; Куза, 1981). Большие исследования проводились А. А. Узяновым, но монографическое исследование лепной горнальской керамики полностью так и не было опубликовано (1982, 1990). Крайне интересны полевые исследования коллектива московских и киевских ученых в Новгороде-Северском (Куза, 1989 б; Куза и др., 1996) и на поселении у с. Горбово, что также значительно расширило информативность памятников этого типа (Григорьев, 1983, 1988, 2006).

В изучении погребальных древностей Левобережья значительных успехов достиг Е. А. Шинаков, которому удалось преодолеть традиционные источниковедческие рамки в анализе курганных материалов и резко поднять уровень знаний о хронологии освоения государством племенных земель. В этом значительную роль сыграло его знакомство с материалами, в изобилии хранящимися в районных краеведческих музеях России и Украины, а также умелое использование вычислительной техники (1982, 1991).

Время подведения предварительных итогов изучения северянских древностей пришлось на конец 90-х годов (Приймак, 1997 а; 1997 б; 1999 б). Разработкой ключевых вопросов изучения этой культуры плодотворно занимался А. В. Григорьев (2000). Следует отметить и примечательную работу Е. М. Осадчего о Зеленом Гае (2003). А. Б. Супруненко и его соратниками в Полтаве и ее окрестностях

значительное место уделялось проблеме перерастания северянской культуры в общерусскую. Результаты были обобщены в многотомном издании (Супруненко и др., 2001; 2008; 2009 а; 2009 б, 2009 в). Привлечением археологических сведений о племенных и общерусских городищах выгодно отличается новейшая монография И. Б. Михайловой (2010), посвященная изучению малых городов Южной Руси. К сожалению, исследовательница пользовалась материалами, опубликованными до 90-х годов минувшего века, поэтому многие страницы книги изрядно устарели.

Ниже северянскому периоду истории Левобережья будет отведено особое и вполне заслуженное место. И все же в завершение этого краткого обзора нельзя не упомянуть о сыгравшей отрицательную роль апологетике «мирного» вращивания северян в состав государства. Ярким примером этого стала ухудшавшая качество исследований политическая составляющая: она позволяла с опорой на раскопки или даже без них устраивать празднования годовщин современных городов, якобы существовавших непрерывно на основе городищ роменской культуры (Раздорский, 2015, с. 191, 192). Так, упоминание в Украинской советской энциклопедии в большей степени, нежели скромные раскопки, позволило О. В. Сухобокову подготовить документы ИА АН УССР (ныне ИА НАН Украины), и в 1988 г. в г. Лубны отметили 1000-летнюю годовщину со дня их основания (Сухобоков, 1988 а, с. 4; 1992, с. 149). Пробел в доказательной базе 1000-летия г. Путивля тот же мастер восполнил гипотезой о заведомой последовательности «списка рек»: в нем Сейм якобы «должен быть» последним по счету, но за давностью лет он был упущен летописцем (Сухобоков, 1990, с. 148; 1991, с. 74, 76). И наконец, после мало что доказавших его же раскопок 1992 и 1999 гг. в 2002 г. и г. Ромны пышно отпраздновал свое 1100-летие (Сухобоков, 2002, с. 26; Сухобоков, 2004, с. 72).

Историко-географическое изучение Переяславской земли

В последние десятилетия в литературе появился ряд подробных историографических обзоров, посвященных ходу историко-географического изучения лесостепной территории Левобережья Днепра. С ним связана весьма основательная глава в монографии Н. Н. Коринного (1992, с. 6–16). Известен и ряд более скромных обзоров (Моргунов, 1996, с. 6–9; Моргунов, 1998, с. 10–15; Приймак, 2007, с. 8–22). На этом фоне высоким качеством отличается обстоятельная работа, связанная с изучением сопредельного Черниговского княжества (Зайцев, 1975, с. 57–60; 1976, с. 15–32). Это позволяет ниже ограничиться обзором лишь наиболее значительных вех современной историографии. Меньше внимания будет уделено анализу дореволюционной историографии: она во многом стала основой современных представлений и неоднократно служила предметом изучения. Поэтому ее наработки ниже рассматриваются лишь в качестве приоритетных при рассмотрении частных примеров.

Тем не менее здесь нельзя не упомянуть применение отдельных археологических памятников в исследованиях Н. П. Барсова (1885), открывших первую страницу в становлении науки. В те времена Переяславской земле не уделялось специального внимания: она рассматривалась как часть земель черниговских северян (Голубовский, 1881; Багалей, 1882). Но почти каждое общеисторическое

изыскание по истории Южной Руси содержало множество наблюдений о населенных пунктах и политических событиях на этой территории.

Особое внимание изучаемой территории уделил лишь упоминавшийся выше историк и нумизмат В. Г. Ляскоронский: результатом его обследований стала выдержавшая два издания монография по истории Переяславского княжества (1897, 1903). В ней были обобщены результаты предшествовавших наработок и использованы известные на то время письменные и археологические источники; книга стала заметным событием в научной жизни России. Вместе с тем, она не была лишена недостатков, свойственных научной литературе того времени: чрезмерное увлечение некритичными описаниями политических событий и заметная противоречивость собственных суждений. В итоге многие ключевые вопросы остались им не раскрыты.

Венцом дореволюционной историко-географической мысли, пожалуй, можно считать труды М. С. Грушевского, тонко интерпретировавшего наработки историков предшествующего времени, а также использовавшего достижения ученых сопредельных специальностей. Для нас особый интерес представляют его очерки о княжествах Юго-Восточной Руси (1992). Исследователь тщательно изучил историю формирования территории и границы Переяславщины, внутреннюю и внешнюю политику местных князей, условия колонизации земли и раскрыл причины, обусловившие длительные и прочные связи Переяславской земли с Северо-Восточной Русью.

После 1917 г. исторические изыскания несколько затормозились, вероятно, по причине дефицита новых археологических материалов. Из новых работ следует упомянуть довольно краткое, но во многом не устаревшее исследование А. М. Андрияшева (1931). В нем отразились оригинальные взгляды автора на размещение населения края, а ретроспективный и сравнительно-исторический методы позволили ему уточнить многие летописные локализации. Зеркальным отражением новых веяний стала и изданная в 1940 г. монография В. В. Мавродина об истории Левобережной Украины (2002). В ней были заново проанализированы итоги дореволюционных исследований на основе складывавшейся марксистско-ленинской методологии. Тем не менее автор, находившийся под сильным влиянием работ П. В. Голубовского, по-прежнему рассматривал Переяславскую территорию как часть северянских земель. Думается, что в настоящее время эта работа может служить лишь историографическим справочником.

Качественно новой ступенью стала фундаментальная работа М. Н. Тихомирова «Древнерусские города», впервые изданная в 1946 г. Автор подсчитал по данным письменных источников количество русских городов до середины XIII в., проследил их географическое размещение, собрал сведения о городской экономике, наметил проблематику социальных категорий городского населения. Исследователь подметил закономерность размещения укрепленных поселений городов в наиболее густо населенных районах. По его мнению, именно там сельское хозяйство остро ощущало потребность в высококачественных изделиях специализированного городского ремесла.

Много интересных наблюдений по истории южнорусского приграничья сохранил сборник очерков К. В. Кудряшова (1948). Перу Б. А. Рыбакова (1951) принадлежит карта населенных пунктов Руси, упомянутых в письменных источниках до середины XIII в., – фактически это первое, но недостаточно подробное картографирование летописных городов. Другие работы исследователя сыграли не последнюю роль в научной разработке вопросов, связанных с феодаль-

ной раздробленностью на Руси и в дискуссии о периодизации ее истории, которая усилилась в 50-х годах минувшего столетия. В итоге распад единой Руси на земли-княжения в XII в. был поставлен в прямую связь с развитием феодальных отношений в восточнославянском обществе: он справедливо расценивался как закономерный и исторически прогрессивный процесс (1948, 1952, 1964). Таким образом, к концу 50-х годов выкристаллизовались и современные научные представления о древнерусском городе – центре развитого ремесла и торговли. А в 60–70-е годы на фоне подъема полевых изысканий изучение порубежных городищ выделилось в самостоятельное направление (Рыбаков, 1965; Довженко, 1967, 1968). В виде «оборонительных линий» в литературу вернулся термин П. В. Голубовского «боевые линии» (1884, с. 125). Под ними понимались цепочки из «застав богатырских» с «мужами лучшими», построенные при Владимире Святославиче на упомянутых в ПВЛ водных рубежах (так называемому летописному «списку рек»). Начало нового этапа изучения важнейших торговых путей было положено Б. А. Рыбаковым (1969). Эта историко-географическая линия успешно развивалась в работе А. П. Моци и А. Х. Халикова (1997, 2010), направление другого древнего пути конкретизировалось В. В. Приймаком и В. О. Порядневой (2002).

Ярчайшим выражением историко-географических достижений стала монография А. Н. Насонова «"Русская земля" и образование территории древнерусского государства» (1951), в которой автор подвел итоги изучения в том числе и левобережных княжеств; в работе были заново критически проанализированы и уточнены местоположения летописных топонимов и границ земель-княжений. Кроме того, на основе строго научной методологии А. Н. Насоновым в общих чертах успешно решалась и проблема формирования государственной территории Руси.

Исследователь понимал ее как разделенную по административному признаку территорию, население которой в интересах господствующего класса было подчинено публичной власти, имеющей особый аппарат насилия, творящей суд и устанавливающей разного рода поборы-налоги. На основании тщательного анализа письменных источников ученый показал, что территория Древнерусского государства складывалась в результате внутреннего процесса, с развитием нового способа производства и с распадом родоплеменных связей. Сложение государственной территории он рассматривал как результат борьбы господствующего класса за расширение власти и доходов, что проявляется в распространении из «Русской земли» (политического и территориального ядра Древнерусского государства) княжеской дани и суда (аппарата насилия). Формирование государственной территории было закономерно связано с развитием феодального способа производства и выступает как одно из важных проявлений процесса феодализации (Насонов, 1951, с. 3–9, 24). Такой подход к изучаемой проблеме позволил историко-географическому исследованию занять существенное место в изучении социально-экономического развития Руси как государства (Зайцев, 1976, с. 9, 10).

Значительным явлением в литературе того времени стал сборник статей «Древнерусские княжества X–XIII вв.» (1975). Видное место в нем заняла статья А. К. Зайцева об исторической географии Черниговского княжества (1975): она аккумулировала предшествующие достижения относительно молодой науки и подняла ее на новый этап. Проведенный исследователем скрупулезный анализ хронологии летописных событий, связавший в единую нить сложную событийную канву летописных источников, был плотно увязан автором с новейшими достижениями археологических и топонимических исследований. В итоге было впервые получено представление о структурном делении княжества на отдельные тер-

риториальные элементы-волости, намечены их границы и определено их политико-административное соподчинение на разных этапах развития. Все это значительно раздвинуло рамки наработок А. Н. Насонова и сделало работы А. К. Зайцева без преувеличения эталоном и настольным справочником для многих археологов, применявших методы исторической географии. Научные изыскания автора в значительной степени стимулировали вспышку интереса к угасающему в археологической среде научному направлению (Бородин, Моргунов, 2003, с. 75, 76).

В этом же сборнике нашла место содержательная статья М. П. Кучеры по исторической географии Переяславской земли. Привлекая данные археологии, ученый по-своему трактовал локализации отдельных населенных пунктов. Довольно кратко автор остановился на вопросах историографии, этнического и социального развития княжества, преимущественно сосредоточив внимание на его политической истории. Следует отметить, что в этой работе решение наиболее острых вопросов нередко подменялось иллюстративными описаниями результатов раскопок и «слепыми» картами, недостаточно точно отражавшими современные представления.

В 80–90-х годах проявилось стремление археологов и историков к широким обобщающим работам. Среди них нельзя не отметить непосредственно связанные с достижениями исторической географии блестящие работы Б. А. Рыбакова (1982) и П. П. Толочко (1980, 1987, 1989), которые раскрыли широту проблематики изучения домонгольских городов: их происхождение, хозяйственную жизнь, социально-топографическую структуру, социальную типологию – и подняли вопросы их демографии. Анализу проблем изучения населения Среднего Поднепровья IX–XIII вв. были посвящены фундаментальные работы А. П. Моци, основанные на изучении погребальных древностей (1987 а, 1990, 1993).

Значительной вехой в систематизации накопившихся знаний о южнорусских археологических древностях стал третий том второго издания коллективной монографии «Археология Украинской ССР» (1986). В частности, в ней на современном научном уровне были осмыслены итоги многолетнего изучения известных летописных городов.

Множество наработок содержит обширное исследование Н. Н. Коринного по истории Переяславской земли (1992). Его не портят возврат автора к устаревшим представлениям об уличах как этнической подоснове северян и непроверенные сведения о Змиевых валах и городищах. В работе слабо аргументировано представление автора о переяславо-черниговском пограничье, хотя оно было детально изучено А. К. Зайцевым еще в 1975 г. Тем не менее нельзя забывать, что это первая современная монография по истории Переяславской земли, зеркально отразившая уровень науки своего времени.

Заметным явлением стала обширная статья В. А. Кучкина, ставшая очередной ступенью в изучении древней «Русской земли» (1995). В ней автор уточнил пределы этого древнего территориального образования, а также подробно, с привлечением новых материалов, пересмотрел многие устоявшиеся локализации летописных пунктов. Эта тематика была развита автором в более поздней работе (2003). К проблематике этого древнейшего государственного образования обращался и А. П. Моца (2007). Он также заострил внимание на его границах, рассмотрел его заселенность, состав населения и вновь поднял вопрос о происхождении древнерусской народности. К оригинальным региональным исследованиям относится работа В. В. Приймака, подводящая итоги его многолетних наработок (2007). Она посвящена сквозному анализу заселенности и территориальной структуры Пу-

тивльского княжества на пути от волынцевской культуры до монгольского нашествия (VIII–XIII вв.). В ней показана обоснованность применения археологических источников для историко-географических исследований, заново пересматривались вопросы о ресурсных зонах древних поселений. Серия обширных статей А. В. Комара посвящена периоду сложения государственной территории Южной Руси. Эти своевременные исследования свели воедино и обобщили современные представления о накопленных за последние десятилетия исторических и археологических материалах (2012, а – г).

Приведенные заметки не претендуют на исчерпывающую полноту: далее найдет свое место разбор множества историографических наблюдений по конкретным вопросам. И все же видно, что историко-географические исследования территории Левобережной Руси прошли долгий путь, прежде чем археологические источники заняли в них достойное место.

Физико-географическая характеристика региона

Для рассмотрения данной проблематики необходимо знание физической географии региона: она является пространственным каркасом в том числе и для понимания сути и особенностей дальнейших наработок.

Речная сеть рассматриваемой территории имеет особенности, сыгравшие положительную роль для сложения военно-оборонительной структуры. Течения Днепра и Десны с Сеймом в плане образовывали фигуру, близкую к неправильному треугольнику с острием, обращенным к Киеву. Восточнее через треугольник протекали почти меридионально ориентированные реки Сула, Псел и Ворскла, между которыми размещались почти параллельные полосы, фронтально обращенные к оси кочевнических путей на Русь. Правые берега этих рек высокие, с крутыми склонами к руслам с быстрым течением, а левые берега пологие, далеко просматриваемые с правобережных круч. Реки извилисты, с многочисленными рукавами и старицами, протекающими среди заболоченных пойм, затруднявших форсирование потоков. Так, система стока Сулы является наиболее заболоченной среди левобережных притоков Среднего Днепра (Чижов, 1961, с. 72). **Рис. 1.**

Рис. 1. Географическое положение Переяславской земли.

А – сложившееся в литературе представление о внешних пределах Переяславской земли в пору ее расцвета; Б – границы ландшафтных зон; В – рубеж между Приднепровской низменностью и отрогами Среднерусской возвышенности

Средние и верхние части этих рек содержат лесные массивы и множество труднопроходимых притоков, а низовья их почти лишены и снабжены надпойменными переходами, что облегчало их форсирование. Широко протекающая р. Сейм относится к быстрым потокам, ее пойма также содержит обширные болота и торфяники. Реки западной части этой территории, наоборот, имеют слабое течение, сильно заболочены, их береговой рельеф сглаженный. Особо этим отличается протекающая в широтном направлении и впадающая в Десну р. Остёр: в его долине много пойменных озер и болот; торфяники занимают 4,5 % всей территории водостока.

Современное физико-географическое районирование во многом основано на изучении особенностей рельефа, почвенного покрова и сочетания лесной и степной растительности. Это и понятно: разделение обширных территорий на отдельные участки вызвано необходимостью применения для каждого из них оптимальных методов хозяйственного использования. Так, на качественных почвах экономически целесообразно зерновое пашенное земледелие, в худших условиях более эффективным являются выращивание технических культур или занятие скотоводством.

В рельефном отношении Переяславская историко-географическая область делится на две части: восточная представляет собой юго-западные отроги Среднерусской возвышенности, западная расположена в Приднепровской низменности. Последняя, в свою очередь, делится на равнинную восточную часть и низменную западную. В целом же, согласно современному районированию, весь регион является Левобережной лесостепной провинцией в пределах Днепровско-Донецкой впадины.

Вдоль левого берега Днепра широкой полосой протянулась надпойменная приднепровская аллювиальная низина шириной до 30 км. Она содержит заливные луга с кустарником и перелесками на пойменных всхолмлениях; местами простираются обширные песчаные массивы.

Западную часть Приднепровской низменности занимает яготинская слабо расчлененная равнина (в исторической литературе ее порой именуют «супойским плато»). Северная часть междуречья Днепра и Трубежа относится к зоне широколиственных лесов, прочая территория запада Приднепровской низменности покрыта лугами и отличается значительным распространением слабозасоленных почв с галофильной растительностью, на которые приходится до 20 % пахотных земель. Сплошная распашка этой равнины началась только с появлением мощной гусеничной техники. На низких речных водоразделах истоки водотоков нередко объединены бифуркациями. Последние представляют собой обширные болота, из которых в весенние периоды вода течет в противоположных направлениях: это на 1–2 месяца создает временную лодочную связь между сопредельными речными системами. Для плоскородных средств передвижения этот срок несколько более длителен. Известны бифуркации Трубеж – Остёр, Торговица (приток Большого Ромена) – Куколка (приток Сейма), Малый Ромен (приток Большого Ромена) – Борзна (приток Сейма), Локня (верховья Вира, притока Сейма) – Курица (ответвление Терна, притока Сулы) и др. Заболоченность особо обширных бифуркаций в безморозную пору затрудняла их переход пехотой и конницей, да и зимой ледовый покров не отличается прочностью. Поэтому нередко они становились звеньями устойчивых границ между сопредельными поселенческими структурами.

Южная часть этой равнины представляет собой обширную малодренированную низменность. На повышенных участках там доминируют глубокие черноземы, в низинах обильно представлены массивы солончаков, солончаковых «блюдец» и солонцов. Центральную часть исследуемой территории занимает ро-

менско-миргородская слабо расчлененная равнина. Ее фоновыми ландшафтами являются разделенные густой овражно-балочной сетью луговые равнины с глубокими малогумусными черноземами. Существенно, что вдоль высоких правых берегов Сулы, Псла и Ворсклы размещены протяженные полосы ныне распаханых оподзоленных черноземов; с ними соприкасаются остатки более обширных в древности широколиственных лесов.

С востока к ней примыкает полтавско-карловская слабо расчлененная лесовая равнина, разделенная на две неравные части. Рельеф и ландшафты правобережья р. Ворсклы более близки к вышеописанному региону с его луговыми степями, развитой овражно-балочной сетью и остатками лесных массивов на оподзоленных черноземах. Левобережье Ворсклы практически безлесное. В ландшафтном покрове преобладают пологие возвышенные равнины с распаханymi среднегумусными черноземами и солончаками; не менее выразительна и овражно-балочная расчлененность рельефа.

Северо-восточный элемент Переяславской историко-географической области занимает юго-западную часть Среднерусской возвышенности – пониженные отроги юго-западного склона ее воронежского массива. Для нее характерен сильно расчлененный холмистый рельеф и более континентальный климат. На фоне луговой растительности на обычных и глубоких черноземах здесь широко распространены оподзоленные черноземы, серые и темно-серые почвы – да и сейчас леса там сохранились в большом объеме.

По характеру ландшафтной структуры и в связи со значительной протяженностью эту провинцию делят на два физико-географических уровня. Сумская область западных отрогов Среднерусской возвышенности простирается от новгород-северского Полесья до долины Ворсклы. В рельефе хорошо выражены водоразделы, расчлененные склоны, террасы, овраги и балки. В прошлом область была занята преимущественно широколиственными лесами, ныне их больше в северной половине, где они занимают 11 % территории. Сейчас на их месте сохранились лесовые равнины с малогумусными и оподзоленными черноземами с остатками дубовых и дубово-липовых лесов.

Северо-донецкая (харьковская) область отличается преобладанием среднегумусных и оподзоленных черноземов, темно-серых почв, а в прошлом – восточного варианта луговых степей. В ландшафтной структуре основное место принадлежит расчлененным останцово-холмистым возвышенностям с остатками кленово-липовых дубрав, оврагов и балок, врезанных в меловые породы (Маринич, 1982, с. 122–128; Чижов, 1961, с. 175–179; Щербань, 1982, с. 142–148). Эта лесистая окраина славянского расселения клином врезана в степную равнину: в литературе ее порой именуют «донецким выступом». Юго-восточный край донецкого кряжа высотой до 150–200 м круто обрывается к долине Северского Донца. Его вид из Приоскольской степи, куда уходили русские войска, подобен мощной крепостной стене. Не исключено, что это и есть «шеломень» «Слова о полку Игореве»: именно такой вид аномальной возвышенности согласуется с контекстом поэмы.

Как показано выше, широтное направление перемещения войск и грузов в «треугольник» Переяславской земли затрудняли заболоченные поймы рек. Узловые точки их пересечения воссоздаются сведениями о твердых бродах в условиях близости древней и современной климатической обстановки. Небольшие изменения русел малых рек не приводят к тотальному исчезновению подобных переходов, на что указывает концентрация близ них поселений различных эпох. Возникновение новых русел и стариц происходило на обмелевших участках водо-

токов, и поблизости появлялись новые переправы, куда с незначительным изменением маршрутов выходили старые проторенные дороги.

Правда, в позднем Средневековье и начале Нового времени активному заболочиванию пойм способствовало устройство запруд с мельницами. Но уточнению древних реалий способствуют геологические и почвоведческие исследования, а также акты упоминания о дорогах XVII–XVIII вв. Незаменимым подспорьем служат и сведения переиздававшейся вплоть до 1920 г. трехверстной Военно-топографической карты Российской империи, созданной в 1846–1863 гг. под редакцией Ф. Ф. Шуберта и П. А. Тучкова. В эту реальность укладываются и археологические обследования окрестностей древнерусских городищ, размещенных на правобережных кручах левых притоков Днепра. В подавляющем большинстве они обнаруживают расположенные неподалеку следы переходов через поймы, использовавшиеся поныне или вплоть до недавнего времени. Ядро Переяславской земли было тесно связано с Правобережьем: на это указывают днепровские броды и перевозки, в том числе известные по летописным источникам.

К реконструкции древних ландшафтов

Забегая вперед, напомним, что первые защитные мероприятия на Левобережье проводились князьями для защиты оседлого расселения и, в первую очередь, Киевской земли от набегов кочевников с востока и юго-востока. По мере расширения государственной территории решение этой проблемы было возложено на постепенно формировавшееся Переяславское княжество, благо природная обстановка его территории обладала наилучшими природными условиями для проведения защитных мероприятий. Форсирование рек с заболоченными поймами замедляло скорость движения, дробило силы нападавших и ослабляло их мощь. Поэтому хорошо организованная защита переправ нависавшими над ними крепостями позволяла даже малым силам задерживать и останавливать двигавшегося с востока противника.

В обширных заболоченных поймах рек топкие трясины чередовались с невысокими надпойменными останцами, покрытыми густыми зарослями высоких тростниково-камышовых и осоковых популяций, кустарника и деревьев с преобладанием тополя, вербы, ясеня и вяза. Естественно, местным жителям были известны броды и извилистые тропы через поймы, но оседлое население избегало контактов с пришлыми людьми. Не будет большим преувеличением считать надпойменные поселения неолита или эпохи бронзы древнейшими естественными крепостями: в безморозную пору года они были практически неприступны. В более поздние времена стали возводить и реальные надпойменные укрепления («болотные» городища).

Третьим естественным защитным элементом служили высокие правые берега левобережных рек, обращенные против низких безлесных пространств. Недаром с глубокой древности укрепления возводили на естественных речных мысах, снабженных крутыми склонами. Даже простейшие фортификационные сооружения придавали рельефу особую труднодоступность. Немаловажно и то, что береговые высоты значительно расширяли обзор окружающей местности: это лишало пришлых людей внезапности и позволяло защитникам заранее подготовиться к осаде или запросить помощь. Пример Сулы показывает, что ее правый берег можно рассматривать как взаимосвязанную систему доминирующих высот, пригодную для создания фортифицированной пограничной линии. Устроенные напротив бродов соседние крепостные сооружения могли объединяться

визуальной (огневой, дымовой) сигнализацией, а форсирование рек нападающими происходило в непосредственной близости, на виду защитников.

Комплексное использование в фортификации естественных защитных элементов считается высокоэффективной защитной формой: недаром ее массово применяли вплоть до Второй мировой войны.

В этом ряду особое место занимает изучение распространения древней лесной растительности, которая предоставляла оседлому населению строительные материалы для возведения крепостных сооружений, устройства жилья и продукты охоты и собирательства. Кроме того, в случае внешней угрозы леса служили надежным укрытием для людей и скота: кочевники старались их избегать или обходить. Простейшей формой усиления защитных свойств лесов служили засеки, использовавшиеся вплоть до начала XX в. (Моргунов, 2009, с. 199, 200).

Современное состояние древостоя не отражает его древней распространенности, поскольку лесистость этой территории была сильно сокращена многовековой хозяйственной эксплуатацией. Тем не менее размещение древних лесов в лесостепи реконструируется специальными методами, которые стали доступными в результате развития палеоботаники и почвоведения, подкрепленных археологическими методами.

Огромная историография этого вопроса сокращенно может быть изложена следующим образом. Основоположителем направления был В. В. Докучаев, заложивший основы генетического почвоведения. Согласно его исследованиям, общий абрис границы леса и степи под влиянием климатических изменений и воздействия человеческой деятельности испытывал определенные колебания. Объективно состояние древней растительности отражается в особенностях почвенного покрова: черноземы являются важнейшими показателями и продуктом степей, а под лесами слагался серый подзолистый почвенный горизонт. При длительной распашке вырубленных лесов серые почвы постепенно видоизменялись, приближаясь к разновидностям черноземовидных грунтов. Тем не менее эти почвы не содержат кротовин, и на них никогда не встречаются «степные» курганы (Докучаев, 1889, с. 31; 1953, с. 109, 110, 130). На протяжении 1889–1892 гг. учениками В. В. Докучаева было подробно изучено состояние почв Полтавской губернии. В процессе исследований описывалась и картографировалась плотная сеть полевых маршрутов, проводились химические анализы тысяч полученных образцов, а итоги этой уникальной работы подробно издавались (Материалы, 1889–1892).

В дальнейшем эти исследования получили развитие в работах В. И. Талиева, П. Н. Крылова и др. Весомое научное подкрепление было получено и в процессе детального сельскохозяйственного районирования: в 1927–1930 гг. в СССР производилось массовое составление почвенных карт для практических нужд сельского хозяйства. Это вызвало приток нового фактического материала и активизировало бурный всплеск научного интереса к вопросам почвоведения. Множество появившихся в 30-е годы исследований как детализировало, так и обобщало сложившуюся к этому времени картину. Итогом этой работы стала «Карта восстановленной растительности», помещенная в Большой советский атлас мира (1939). В послевоенное время изучение вопросов взаимоотношений леса и степи под влиянием антропогенного фактора продолжалось на основе более современных аналитических методик, поэтому полученные выводы считаются достаточно достоверными.

Новое поколение почвоведов и историко-географов вновь подтвердило мнение В. В. Докучаева о том, что почвенные карты могут и должны служить основой для гипотетической реконструкции былого распространения лесов. В несколько

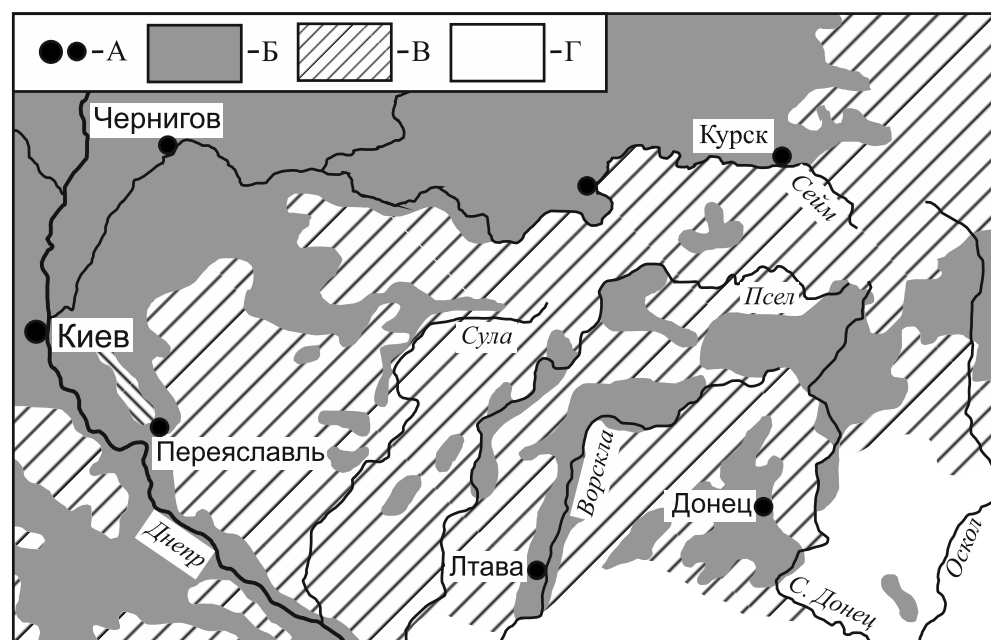

Рис. 2. Южные границы Киевской Руси перед татаро-монгольским нашествием (по А. М. Семеново-Тян-Шанской). А – столица Руси и летописные города; Б – восстановленные по почвенным данным пределы древних широколиственных лесов; В – луговые степи; Г – типчаково-полынные степи

упрощенном виде эту точку зрения можно интерпретировать следующим образом. В лесостепной зоне распространены реградированные черноземы, которые образовались на водоразделах на месте широколиственных лесов; оподзоленные черноземы более свойственны для севера лесостепи, где их сложению изначально способствовали разреженные грабово-дубовые леса. Другими словами, на месте сведенных лесов оподзоленность современных черноземов сохраняется многие сотни лет (Мильков, 1947, с. 85; 1952, с. 444; Вернандер и др., 1951, с. 115; Жекулин, 1972, 1982; Ланько, Шищенко, 1982, с. 71; Чендеев, Шатохин, 1990, с. 97). В частности, этот метод удачно, хотя для нашей темы слишком обобщенно, использовался А. М. Семеново-Тян-Шанской для анализа пределов Южной Руси накануне монгольского разорения (1957, с. 1401). **Рис. 2.**

Применительно к украинской лесостепи эти вопросы были своеобразно решены в «Атласе Украинской ССР и Молдавской ССР» (1962): размещению оподзоленных черноземов (с. 23, 24) на карте растительности соответствовало обозначение «сельскохозяйственные угодья на месте древних широколиственных лесов» (с. 26, 27). К сожалению, эти карты имели слишком мелкие генерализованные масштабы (1:3 000 000), что сильно затрудняло использование этих материалов. Тем не менее они позволили в значительной мере уточнить особенности системы древней обороны Посулья от кочевников (Моргунов, 1983, с. 75; 1988 а, с. 194; 1998, с. 8, 23).

К сожалению, крупномасштабные картографические материалы тех лет были доступны только для визуального ознакомления, а их аналитическое ис-

пользование для широких исследовательских целей, а тем более с выходом на публикационный уровень, было недоступно. Только в последние годы для реконструкции древних пределов лесов стали доступны более подробные карты, такие как Государственная почвенная карта СССР масштаба 1: 500 000 (1954) и Карта почв Украинской ССР масштаба 1: 750 000 (1973).

Этот обзор показывает, что благодаря почти 150-летним изысканиям была обоснована возможность использования двух методов восстановления пределов древних лесов. Наиболее точно это делается на основе значительных серий почвенных анализов, что для археологов в значительных объемах не всегда доступно. Менее точным является гипотетическое создание древней ландшафтной картины на основе изучения крупномасштабных почвенных карт. Безусловному восприятию второго метода серьезно препятствуют трудности датировки реконструированных пределов древнего лесостоя. Они связаны с количественной оценкой антропогенных изменений древних ландшафтов, т.е. вырубкой лесов, и динамическими процессами изменения климата, на определенных этапах способствовавшего естественному восстановлению былых лесных массивов.

Так, одно время считалось, что массовые порубки древостоя в лесостепи начались еще в скифскую эпоху, но в настоящее время этот вывод ставится под сомнение из-за незначительной заселенности территории в тот исторический период. В IX – начале XI в. днепровское Левобережье было более плотно заселено носителями роменской культуры летописных северян, которые, согласно недатированным летописным сведениям, «живяху в лѣсъх» (ПСРЛ, т. 1, с. 13; т. 2, с. 10). Это подтверждает картографирование известных на сегодняшний день северянских поселенческих скоплений, наложенных на карту гипотетически реконструированных лесных массивов.

Как известно, Средневековье приурочивают к середине субатлантической климатической эпохи. Приблизительно на 1000 – 1300 гг. приходилась теплая и влажная аномалия современного климата – «климатический оптимум Средневековья» (Шнитников, 1957, с. 182; Борисенков, Пасецкий, 1983, с. 23; Раунер, 1985, с. 160, 165; Демкин, 1997, с. 158). Согласно новейшим исследованиям С. А. Сычевой, более тепло-влажная климатическая фаза распространялась и на VIII–IX вв. (Сычева, 2002, с. 87–97; Кашкин, 2005, с. 121). Считается, что такие климатические условия были благоприятны для распространения лесов, что во многом могло компенсировать относительно небольшую вырубку лесов для устройства жилья и его отопления, строительства небольших северянских городков. Кроме того, в своих сельскохозяйственных занятиях северяне использовали не подсечное, а переложное земледелие с двух- и трехпольем, что не вело к массовой вырубке лесов, а позволяло им вновь возвращаться на восстановившие плодородие старые пашни (Горбаненко, 2007, с. 29, 86–88, 94, 97; Пуголовков, 2010, с. 221).

Несколько забегаая вперед, следует отметить, что «окняжение» Древнерусским государством племенной северянской территории также не сопровождалось уничтожением значительного количества леса – крепостное строительство там возобновилось лишь в конце XI в. Нам неизвестно, насколько бережно к защищавшим их лесам относились местное население и княжеские власти. В сходных условиях при Алексее Михайловиче рубка лесов в засеках и пограничных «заповедных» лесах была запрещена (Шелгунов, 1857, с. 21). Подобную заботу о естественном дубовом лесостое проявляли и польские власти на Правобережье Днепра (Алеппский, 1897, с. 29). По Боплану, около приграничных сел население строго следило за сохранностью ближайших лесов, пригодных для устройства убежищ (1990, с. 77). Не исклю-

чено, что схожие меры принимались и вдоль южнорусских рубежей в домонгольское время: к этому склоняет хотя бы та продуманная систематичность, с которой производилось фортификационное строительство.

В середине XIII в., в связи с монгольским нашествием, пашни и окультуренные земли лесостепи превратились в «дикое поле», а граница земледелия отодвинулась далеко на север и запад. Это послужило причиной новой длительной фазы облесения южных земель (Ахтырцев, 1968, с. 16; Ахтырцев, Щетинина, 1969, с. 21), но уже в условиях похолодания и увлажнения климата (Шнитников, 1985, с. 5–22; Максимов, 1990, с. 105–129).

Массовое заселение рассматриваемой части лесостепи вновь началось в XVI в. Вероятно, первые вырубки лесов не были сплошными: опасность татарских вторжений сохранялась. Активное сведение древостоя началось со второго десятилетия XVII в. для производства селитры, смольчуга и поташа на экспорт. Несколько позже поташное производство даже угрожало целостности Белгородской линии. В XVIII в. наибольшие вырубки пришлось на середину столетия, причем больше леса сводили в малолесных, более населенных губерниях. В XIX в. леса сильно пострадали после освобождения крестьян, часто получавших их для распашки (Мильков, 1950, с. 142; Турчанович, 1950, с. 97; Цветков, 1957, с. 27; Сидоренко, 1991, с. 101–103).

Это лишь краткий обзор литературы, посвященной сложностям, подстерегающим исследователя на пути реконструкции распространения древних лесов. Тем не менее из него выходит, что на Левобережье существовало три всплеска заселенности с различной интенсивностью вырубки лесов, разделенных продолжительными периодами естественного восстановления части лесостоя.

В целом, по мнению специалистов, для гипотетической реконструкции пределов древних лесных массивов метод картографического сопоставления почв своего значения не утратил. Он особо востребован для оценки лесистости широких географических пространств, не требующей пошаговой точности. В таких случаях допуски в площадях древнего лесостоя и времени вырубки лесов в значительных пределах компенсируются точным нанесением археологических объектов (Демкин, 1997, с. 20, 21).

Для проверки этого тезиса древнерусские городища мной накладывались на почвенную картографическую основу. В итоге в северной части древней Переяславщины отчетливо наметились следы хорошо известного по летописным сведениям «степного коридора» между левым берегом Сейма и верховьями Сулы с Пслем (рис. 3: 1). Этой традиционной для XII–XIII вв. дорогой половецкие войска неоднократно приходили на Русь, но раньше о ней судили лишь гипотетически (Рыбаков, 1971, с. 164). В сужении этого «коридора» были обнаружены обустроенные городищами «полю ворота» «Слова о полку Игореве». Обоснованной оказалась и гипотеза об отождествлении летописной «Ратьмире дубровы за Вырем» с одним из ныне вырубленных лесных островков верховий р. Криги (Моргунов, 1983, с. 79; 1985, с. 247, 248).

Не случайным выглядит и совпадение распределения пограничных городищ Сулы с гипотетическими ландшафтными характеристиками ее правого берега. Так, в черноземных безлесных низовьях городища располагались на расстоянии 5–7 км друг от друга (рис. 3: 2). А на распаханых оподзоленных черноземах промежутки между укреплениями (Попаш–Ромен, Ромен–Глинск, Глинск–Свиридовка, Свиридовка–Лохвица) насчитывают около 30 км (рис. 3: 5). Это свидетельствует об умелом использовании защитных свойств леса создателями пограничного рубежа (Моргунов, 1988 а, с. 202).

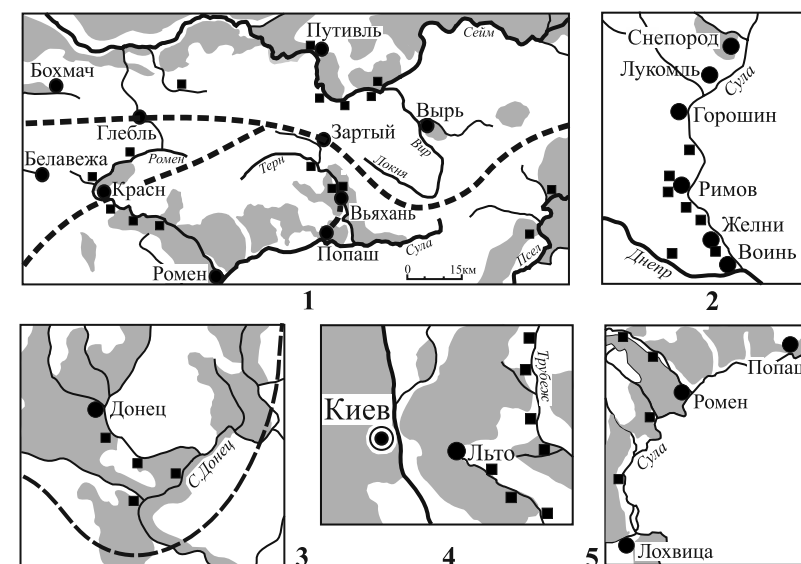

Рис. 3. Примеры совпадения пределов восстановленных лесов с особенностями размещения древнерусских городищ.

- 1 – степной коридор и «полю ворота»;
- 2 – плотное размещение оборонительных сооружений на степном правом берегу Нижней Сулы;
- 3 – размещение укреплений «донецкого выступа»;
- 4 – сужение лесного массива между Киевом и Лыто;
- 5 – разреженное размещение городищ на залесенном берегу Верхней Сулы

Картографирование городищ уточняет и ландшафтную характеристику упоминавшегося выше лесистого кряжа «донецкого выступа», с трех сторон окруженного типчаково-попынной степью (рис. 3: 3). В междуречье Днепра и Трубежа такое же совпадение наблюдается на примере летописного «Летского поля». По почвенным данным оно реконструируется как громадный степной клин, с востока врезанный в глухие (частично сохранившиеся и поныне) дебри, вдвое сокращавший опасную лесную дорогу на Киев (рис. 3: 4). Археологически этот степной клин маркировался цепочкой древнерусских городищ, а на его острие размещалось урочище Лыто, на котором позже был возведен летописный город (Моргунов, 1998, с. 34; 2009, с. 181, рис. 87). Сходную картину можно отыскать и на Правобережье Днепра. Так, С. А. Плетнёвой был выделен «бужский степной коридор», которым половцы из степей поднимались в междуречье Стугны и Роси (1975, с. 282). В преддверии Поросья в летописях он упомянут как «Ростиславля дорога», которая заканчивалась безлесным 20-километровым проходом (летописные «Воротца») между р. Унавой и г. Юрьевом (Моргунов, 2009, с. 189, рис. 88).

Эти наблюдения нельзя оставлять без внимания: гипотетически намеченное распространение древних лесов по-новому объясняет особенности размещения укрепленных поселений и пути следования войск. Следовательно, приведенная реконструкция близка к реальному существованию лесов конца XI – середины XIII в. на месте оподзоленных черноземов. Ниже карты гипотетически восстановленных древних лесных массивов пригодятся при нанесении на них городищ – остатков древних укреплений.

Среднее Поднепровье в эпоху Святослава Игоревича

О характере сложения древнерусского заселения Левобережья Днепра, на основе которого позже возникла Переяславская земля, более или менее уверенно можно судить, начиная с середины – третьей четверти X в. К этому времени повышается информативность письменных источников, точнее определяется хронология бытования многих категорий находок. Это позволяет определить время существования летописных городов и других памятников киевского территориального узла – основы «Русской земли» в узком понимании этого термина.

Киевское ядро во времена Святослава

Согласно событиям, описанным в недатированной части ПВЛ, около 862 г. Киев был небольшим городком на правом берегу Днепра. В те времена «бьяше около града [Киева] лѣсъ и боръ великъ, и бяху ловяше звѣрь». Действительно, и в настоящее время севернее Киева начинаются «полесские» ландшафты с хвойно-широколиственным древостоем (летописный «бор»). Южнее простирались широколиственная растительность, соответствовавшая летописному «лесу» (ПСРЛ, т. 1, с. 9, 20; Сагайдак, 1989, с. 125).

Новейшие исследования показали, что «град Киев» X в. состоял из четырех укреплений, размещенных на соседних выступах киевского плато. Это Замковая гора, Старокиевская крепость и окруженные рвами Детинка и Кудрявец (Комар, 2012 а, с. 319–321). Из трактата Константина Багрянородного также известно о существовании в середине X в. Чернигова, Любеча, Вышгорода и Витичева (Константин, 1989, с. 45, 47). **Рис. 4.**

Из них расположенный в 15 км к северу от Киева «Вышегородъ градъ Вользинъ» упоминался и в ПВЛ под 946 г. (ПСРЛ, т. 1, с. 60). Сорока четыре километра южнее столицы исследовалось трехчастное городище Витичева, содержащее материалы X–XI вв. (Рыбаков, 1965; Петрашенко, Козюба, 1999, с. 27–29; Комар, 2012 а, с. 325). Ближе к столице размещалось устроенное южнее его поселение Китаево с напластованиями VIII–X вв. Его курганный могильник содержал трупосожжения, срубные гробницы и инвентарь X в. По уточненным данным, в середине X в. там существовало лишь селище со рвом (?), предшествовавшим укреплениям конца X в. Отсутствие датированных этим временем крепостных стен не позволяет отождествить ранний Китаев с летописным г. Пересечном, упомянутым в письменных источниках под 922 и 940 гг. (ПСРЛ, т. 1, с. 24; НПЛ, с. 109, 110; Толочко, 1980, с. 140; Мовчан, 1989; 1993, с. 137–157; Комар, 2012 а, с. 310, 325). К ближайшей округе Киева, вероятно, относился и дружинный лагерь раннего периода существования летописного г. Белгорода на р. Ирпень, располагавшийся в 23 км к западу от столицы. На это указывают отдельные находки и могильник с ранними трупосожжениями и погребением в ладье (Мезенцева, 1986, с. 318; Куза, 1996, с. 171). Согласно летописной легенде, Владимир Святославич еще до начала

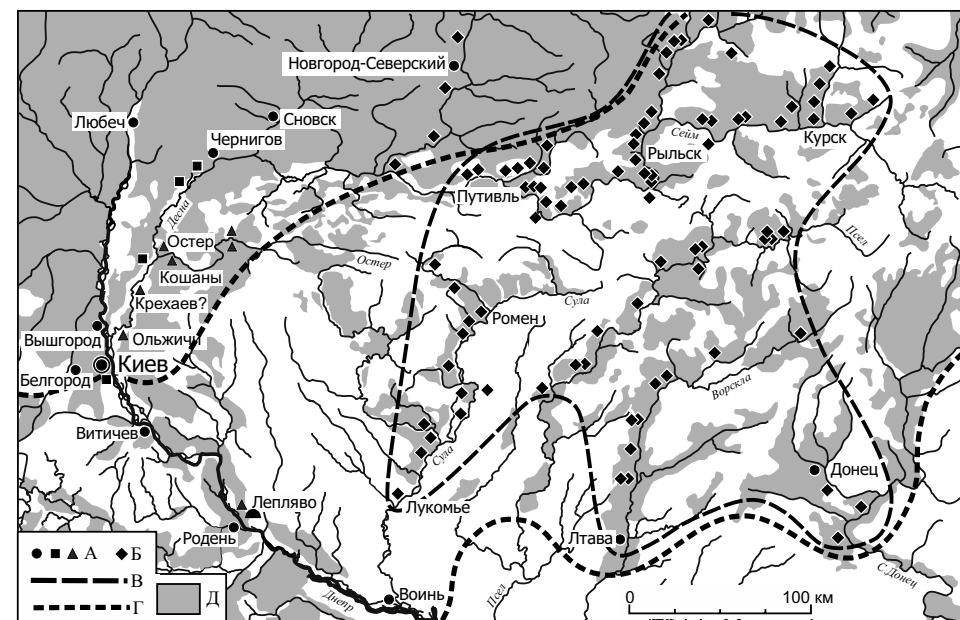

Рис. 4. Археологические памятники эпохи Святослава.

А – древнерусские летописные города, городища и открытые поселения;
Б – городища летописных северян; В – пределы распространения лесостепных памятников заключительного этапа существования роменской культуры;
Г – границы ландшафтных зон; Д – древние лесные массивы

крещения и начала градостроительной деятельности содержал там часть наложниц (ПСРЛ, т. 1, с. 80).

Судя по этой картине, пределы центральной части киевского территориального ядра вдоль Днепра могли простираться на 60 км и углубляться на правобережное плато на 23 км. Впрочем, это лишь приблизительные прикидки: вычислять площадь этой территории было бы крайне преждевременно. Несомненно, там существовали и неизвестные или недостаточно изученные неукрепленные поселения, которые могли бы уточнить эту поселенческую ситуацию.

Кроме «ближнего круга», поселения этого времени были и на левом берегу Днепра. В недатированной части ПВЛ под 947 упомянуто о существовании «доселе» села Ольжичи. Судя по летописному контексту сюжетов 1149–1183 гг., Ольжичи размещались напротив Вышгорода, на скрещении значимых дорог из Киева в Чернигов, далее следовавших как по правому, так и по левому берегам Десны (ПСРЛ, т. 1, с. 60; т. 2, с. 310, 457, 512, 628). «Селище Ольжичи» встречалось и в письменных источниках середины XVI в. Летописным сведениям более соответствует его расположение на левых берегах Десны и ее притока Рудицы между ныне вошедшими в пределы Киева селами Выгуровщиной и Троещиной (Погодин, 1850, с. 221; Александрович, 1881, с. 3, 13; Махновец, 1989, с. 536). Отдельные находки этого времени прежде встречались в современном г. Остёр на р. Остёр, в Кошанах левого берега этой реки, некоторые северные аналогии находкам из Крехаева, что на правом берегу Десны, также датируются X веком.

В 50 км к северу от Вышгорода и Ольжичей и непосредственно напротив г. Остра, на правом берегу Десны, начиналась цепочка археологических памятников этого времени, которые тяготели к Чернигову. По первому впечатлению, эта заселенность была едва ли не более значительной, нежели киевская, но ее изученность оставляет желать лучшего: за исключением Чернигова, к сооружениям крепостного типа из них, пожалуй, пока можно отнести только знаменитую Шестовицу и городище Выползов.

На юге левобережной части киевских владений археологических памятников этого времени также немного. Возможно, к ним можно отнести возникновение упомянутой в источниках столетием позже крепости-гавани Воинь. Поскольку среди заполнения рва второго строительного периода там были обнаружены обломки сырцово-красной кладки, принято считать, что это укрепление было возведено при Владимире Святославиче. Однако в культурном слое Воиня были встречены и находки X в.: красноглиняный кувшин салтовского типа, обломки лепной керамики облика Луки Райковецкой и роменской культур. Оттуда также происходят: восходящий к венгерским прототипам бронзовый ремешок с серебряной одноштифтовой бляшкой; в X в. там сформировался и комплекс изделий из стекла (Довженок и др., 1966, с. 98; Щапова, 1966, с. 113; Юра, Кучера, 1986, с. 329–334; Приймак, 2007, с. 79, 80).

На более раннее возникновение первоначального Воиня указывает и структура укреплений первого строительного периода: они состояли из разделенных рвом двух параллельных линий защитных стен (Довженок и др., 1966, с. 26; Куза, 1985, с. 55, 59; 1989, с. 76). Это не характерно для древнерусской фортификации: укрепления подобной защитной структуры встречаются среди городищ Волжской Болгарии и северных окраин Хазарии (Моргунов, 2009, с. 172, 173). Более того, топографически крепость-гавань принципиально обособлена от созданного позже Владимиром Святославичем ограждения его территории – более определена ее связь с процветавшей при Святославе международной торговлей.

Построенный при устье Сулы, Воинь был крепостью, на 200 км удаленной от Киева и хорошо защищенной пойменными низинами и протоками. Экономическое значение этой гавани в допустимых пределах раскрывается сообщением Константина Багрянородного о вывозе плодов полюдья в Византию. Там могли найти отдых и ремонтную базу связанные с южной торговлей караваны судов. Кроме того, Воинь располагался всего в 60 км по прямой от Лукомья, самой южной посульской крепости летописных северян: отсюда эта своеобразная фактория могла пополняться продуктами торговли и обмена с носителями роменской культуры, а также лесом для ремонта и строительства судов. В этой функции Воинь схож с Витичевым, расположенным близ устья Стугны, в 44 км южнее столицы. Кроме того, подтвержденные близкой к современности картографией позднейшие события показывают, что из степей к Воиню выводил стабильный переход через заболоченную пойму реки, которым неоднократно пользовались кочевники.

На половине пути от Воиня к столице размещено поселение и могильник в приднепровском с. Лепляво. Его удаленность от киевского поселенческого ядра исчисляется сотней километров от Киева и шестьюдесятью – от Витичева. Раскопками могильника и сборами подъемного материала в свое время там было получено множество изделий, датировка некоторых не выходит за пределы X в. Среди них есть артефакты разноэтничного происхождения и предметы торгово-дружинного быта (в том числе скандинавского облика), находящие

аналогии в Шестовице, Седневе и Гнёздове, а 75 % захоронений являются камерными. Таким образом, Лепляво можно сравнить с открытыми поселениями, созданными по образу дружинных лагерей-станов (Щербаківський, 1925, с. 339–348; Выезжев, 1954, с. 33–38; Моргунов, 1999, с. 70, 71; Петрашенко, Козюба, 1999, с. 273–275; Шинаков, 2002, с. 240, 246; 2004, с. 301–310, рис. 1). Расположенное близ каневского брода Лепляво является точной ситуационной аналогией летописных Ольжичей, неоднократно служивших местом концентрации русских войск. А семнадцатую километрами северо-западнее пролегал золотоношско-гельмязовский отрезок приднепровской трассы печенежского пути на Киев, что позволяло высылать туда конные дозоры.

В литературе бытует представление о том, что и городище Лепляво также существовало во второй половине X в. (Щавелев А. С., 2002 б, с. 258; Фетисов, 2004, с. 51, 52). Это недоразумение: дружинные лагеря не обязательно окружали укреплениями. Кроме того, подобные леплявскому крепостные сооружения округлых очертаний появились на Левобережье не ранее второй половины XI в. (Моргунов, 1986; Куза, 1996, с. 175). Такую трактовку подтверждают немногочисленные, но достаточно убедительные керамические серии, происходящие из фондов Национального музея истории Украины, коллекции разведок И. И. Ляпушкина и раскопок Р. И. Выезжева. Они указывают на хронологическую лагуну между активным существованием раннего открытого поселения и возобновлением поселенческой динамики в связи с появлением крепости во второй половине – конце XI в.

Столь удаленное расположение двух последних памятников объясняется тем, что между нижними течениями Остра и Сулы лишь в Лепляво, Воине, Столпягах (уроч. Горелое) и Циблях (Церковь) встречено немного обломков посуды типа Луки Райковецкой VIII–X вв., оставленной выходцами с Правобережья Днепра. Других поселений времени княжения Святослава на этих землях пока не обнаружено: ближайшие памятники роменской культуры летописных северян IX–X вв. известны лишь в низовьях р. Удай и на среднем течении Сулы.

Следует упомянуть и о том, что особенностью ранних поселений являются следы присутствия выходцев из центральных и северных областей Руси. Это неудивительно: еще при Аскольде и Дире «многи Варяги скуписта [свьокуписта] и начаста владѣ [княжити] Польскою [Полотьскою] землею». Согласно тонкому наблюдению Д. С. Лихачева (1950, с. 253), «варягами» в то время могли называть и дружинников по их профессиональному признаку, но контекст сказания вовсе не исключает их северного происхождения. Затем около 882 г. северных переселенцев («варяги, чюдь, словѣни, мерю и всѣ кривичи») на юг привел князь Олег. Следующая волна переселений связана с князем Игорем: в его царьградских походах также участвовали не миновавшие Киева варяги, словени, кривичи, меря и радимичи (ПСРЛ, т. 1, с. 21–24, 29, 45).

Для составителей ПВЛ эти события были настолько глубокой историей, что в окончательном тексте ПВЛ некоторые легендарные сведения могли дублироваться. Но даже если перед нами литературные гиперболы, киевское территориальное ядро всё же действительно пополнялось значительным количеством переселенцев. Они были необходимы для дальних походов и укрепления княжеской власти на новоприобретенных землях. Княжеская дружина была структурной основой аппарата принуждения: свою задачу она лучше исполняла при отсутствии местных корней. Но это не означает, что ее представители затем не смешивались с аборигенным населением.

Некоторое отношение к вопросу освоенности Левобережья могут иметь детали летописного сюжета ПВЛ под 968 г. об осаде печенегами Киева.

Как известно, князь Святослав Игоревич основное внимание уделял внешней политике: дальние походы и международная торговля подпитывали экономику Руси. В письменных источниках содержатся сведения о его походах на Хазарский каганат, о русско-византийской войне, вторжении в Дунайскую Болгарию и захвате Преслава. В ПВЛ имеется сообщение о намерении князя осесть на Дунае. Следуя этой цели, он раздал свои владения сыновьям: Ярополка оставил в Киеве, Олега посадил в древлянской земле, а Владимиру отдал Новгород (ПСРЛ. 1, с. 69). Фактически этим он лишил себя возможности вернуться на Русь. Внутренние проблемы интересовали его меньше: на Оке он дважды пытался присоединить к Руси вятичей и по пути в Хазарию начал освоение восточной окраины северянской территории.

В отсутствие Святослава левобережный воевода Претич снял печенежскую осаду столицы и освободил княгиню Ольгу с внуками. Его зависимость от киевского князя выражена прямой речью воеводы: «Аще ли сего не створимъ, погубити ны иматъ Святославъ» (ПСРЛ, т. 1, с. 66, 67).

Эта летописная повесть содержит ряд противоречивых сведений. Так, сначала Ольга с внуками и «людьми» взойшла на ладьи Претича, а позже вернувшийся Святослав вновь обнаружил ее в столице. При виде дружины Претича печенеги бежали от Киева, но позже оказалось, что вплоть до прибытия Святослава осада не была снята. Далее, сначала осада была столь плотной, что «не бѣ лъзѣ изъ града вылѣсти, ни вѣсти послати», а после загадочного исчезновения из текста имени Претича киевляне всё же послали за Святославом. Необъяснима и скорость движения Святослава из дунайского похода «вборзѣ». Еще до прихода Претича киевляне уже настолько изнемогали от голода и безводья, что были готовы сдаться. Но после, должно быть, длительной поездки вестника князь с дружиной слишком быстро оказался в столице. И наконец, вернувшись, князь собрал войско и прогнал кочевников, хотя набрать ополчение вполне могли Ольга или Претич.

Истолкование фактологии и структуры летописной повести вызвало сложное ветвистое историографическое шлейфа, о важнейшей части которого нельзя не упомянуть.

Так, А. А. Шахматов считал, что статья 968 г. не является цельным рассказом. По его мнению, составитель Древнейшего киевского свода 1039 г. ограничился краткой передачей легенды об осаде печенегами Киева, оставшегося без князя, и возвращении Святослава из Переяславца. В свою очередь, составитель Начального киевского свода 1095 г. дополнил рассказ вставкой предания о юноше и Претиче, не обратив внимания на противоречия, которые внесла эта поправка. Такой подход объясняет множество неясных мест летописной повести, а другие, к примеру, исчезновение имени воеводы из повествования об освобождении Киева Святославом, соответствуют самой цели введения в летописную статью первого сюжета. Впрочем, неточностью исследователь считал и то обстоятельство, что печенеги ожидали прихода Святослава не конным путем с юга, а на ладьях с юго-востока, от низовья Днепра, поэтому появление Претича оттуда же их не удивило. Исследователь также предположил, что в то время князь воевал на востоке против хазар, ясов и касогов, хотя в реконструкции Древнейшего киевского свода упоминание о ясах и касогах обозначено как вставка позднейшего редактора (Шахматов, 2001, с. 11, 95, 96, 393). Ученый, видимо, не обратил внимания, что князь мог вернуться водным путем: тем самым, который он выбрал перед смертью, в таком случае и этот пассаж вполне логичен.

Эта реконструкция вызвала критические замечания, итоги которых подвел А. Н. Насонов: он частично согласился с критиками и отнес летописный рассказ целиком к древнейшим, лишенным позднейших вставок. Ученый также заметил, что, испугавшись звуков труб Претича, печенеги бежали от Киева на запад или юго-запад от города (Насонов, 1951, с. 62; 1969, с. 15). В данном примере предпочтителен был западный путь мимо Белгорода: недаром в конце X в. следовавшие за ним безлесные верховья Здвижа были перегорожены мощными протяженными укреплениями – Змиевыми валами.

В свою очередь, А. С. Королев в целом принял версию А. А. Шахматова как компиляцию из двух независимых источников о двукратном освобождении Киева. Что же касается противоречий, он считал более правдоподобной версию о спасении Киева Претичем (2000, с. 200, 201).

Действительно, в отличие от варианта со слишком скорым появлением Святослава и сбором им (в осажденном городе?) нового войска взамен оставшегося на Дунае, сюжет о Претиче более логичен и, вероятно, содержит древние реалии. Так, печенеги не приняли бы рядовое ополчение за авангард Святослава: очевидно, по качеству вооружения и доспехов дружина Претича походила на профессиональных воинов. Для кочевников было естественным и появление дружины на ладьях с юго-востока: это направление возвращения Святослава речным путем от Черного моря. Реален и тактический расчет Претича: с немногочисленной дружиной он не надеялся освободить готовый к сдаче город, однако хотел исполнить важнейшую обязанность перед Святославом: «...княгиню и княжичѣ оумчимъ на сю страну».

Значительный интерес в литературе вызвал вопрос о происхождении Претича и его дружины. До относительно недавнего времени синхронные осаде Киева поселения на Левобережье были неизвестны. Поэтому воеводу считали северянским князьком, черниговским князем, а его дружину даже «общесеверянским ополчением» (Мавродин, 2002, с. 145; Булкин, Дубов, Лебедев, 1978, с. 15; Моця, 2000, с. 503; Щавелев А. С., 2002 б, с. 258; Михайлова, 2010, с. 74). Новейший исследователь принял Претича за князя-воеводу (или наместника) северянского княжества (?) и воеводу одного из черниговских «династов» (Шинаков, 2002, с. 219).

Об «общесеверянском ополчении» говорить рано: в литературе прочно закрепилось мнение о том, что князь Олег присоединил к Чернигову только «западных» северян, которых привлекал к участию в походе на Византию (под 884 и 907 гг.: ПСРЛ, т. 2, с. 24, 29). Как подробнее будет показано ниже, Святослав в процессе восточных походов (под 965: там же, с. 65) мог затронуть «окняжением» лишь незначительную часть восточных северян. Действительно, еще А. Н. Насонов справедливо отмечал, что этот летописный рассказ не дает оснований предполагать существование в Чернигове княжеского стола или племенного князя. Поэтому Претич скорее был левобережным военачальником (Насонов, 1951, с. 62), т. е. воеводой Святослава (Королев, 2000, с. 199, 202). Этим объясняется и его появление отнюдь не со стороны Чернигова.

Не исключено, что дружина Претича дислоцировалась на месте археологического комплекса Лепляво (Шинаков, 2002, с. 241; Щавелев А. С., 2002 б, с. 258), который входил в левобережные владения Киева. В этом плане примечательна одна ремарка сказания об осаде Киева. Она констатирует, что еще до прихода Претича «собрашася людье оная страны Днѣпра в лодьяхъ». Именно это левобережное население в начале осады могло оповестить Претича: вниз по течению в ладье под парусом и с веслами стокилометровое расстояние можно было преодолеть менее чем за световой день (Ср.: Леонтьев, Носов, 2012, с. 395).

Итак, ко времени вокняжения Владимира Святославича ближайшие левобережные владения Киева еще не стали сколько-нибудь весомым территориальным образованием. В это время прослеживается существование лишь двух значимых центров: киевского территориального узла и черниговского средоточия в междуречье Днепра и Десны. К востоку и северо-востоку простирались земли летописного племени северян, которые киевским князьям еще предстояло освоить.

Расселение летописных северян

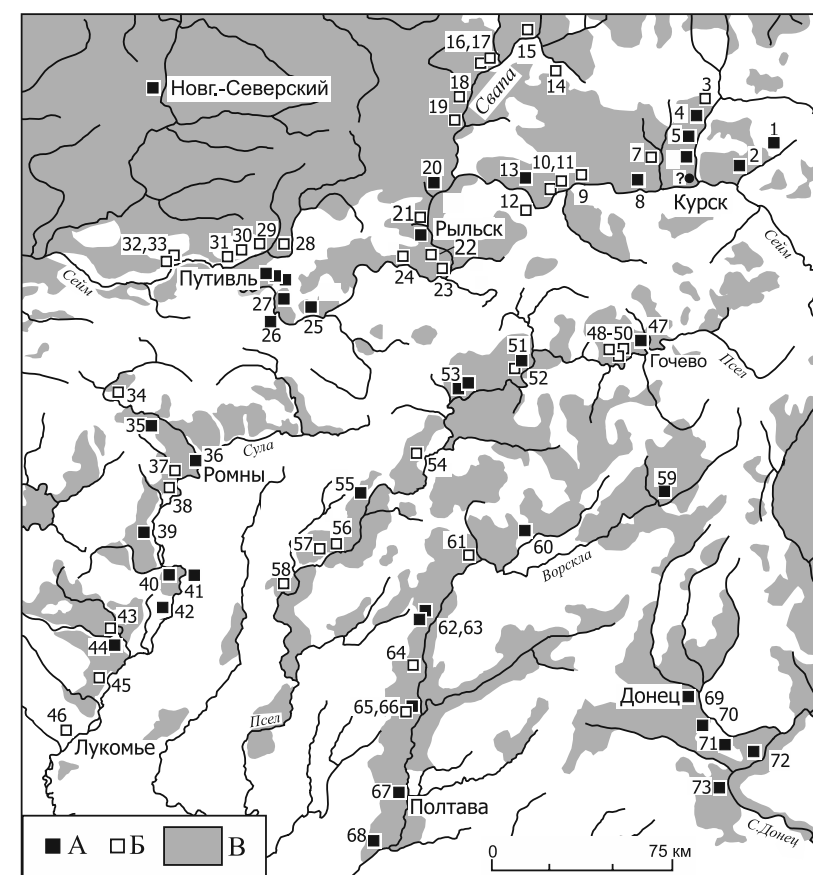
Летописная информация о северянах весьма скупа. Кроме сведений об их проживании по Десне, Сейму и Суле, в недатированной части ПВЛ вкратце описаны их обычаи и ландшафтное окружение: «...радимичи и вятичи, и сѣверъ одинъ [Т: одини] обычаи имяху: живяху в лѣсѣх, яко же [и] всякий звѣрь...». Согласно летописной статье 859 г., они платили дань хазарам «по бѣлѣи вѣверицѣ от дыма». Под 884 г. (через два года после захвата Любеча князем Олегом) в ПВЛ рассказывается о его походе: «...и побѣди сѣверяны, и възложи на нь [Т: на нихъ] дань легьку. И не дасть [дасть] имъ козаромъ дани платити». А под следующим годом обозначено, что к 885 г. Олег уже «обладал» обитателями племенных земель, в том числе и северянами (ПСРЛ, т. 1, с. 13, 19, 24). По Константину Багрянородному (1989, с. 51), в середине X в. северяне являлись «пактиотами» Руси: в полюдь «росы» в течение всей зимы «кормились» в том числе и у северян. После длительной лакуны в 1024 г. они уже стали частью войска черниговского князя Мстислава Владимировича во время Лиственской битвы (ПСРЛ, т. 1, с. 29, 148, 149).

В литературе бытует мнение, что «северяне» или «север» – это своеобразная и устойчивая диалектно-этнографическая общность древнерусской периферии, заметно отличавшаяся от населения Киева и Чернигова (Хабургаев, 1979, с. 206, 207). Археологически северяне трактуются как носители роменской культуры; ее происхождение, ведущие признаки и хронология существования изучены достаточно полно.

Распространение северянских памятников подтверждает точность летописной характеристики их размещением среди гипотетически реконструированных древних лесных массивов. Судя по археологическим данным, эта культурная общность также распространялась на верхние и средние поречья Псла и Ворсклы; известны они и в верховьях Северского Донца. **Рис. 5.**

На западе северянский массив был отделен от русского междуречья Днепра и Нижней Десны 50-километровой незаселенной полосой. Ареал носителей роменской культуры не был монолитным: в отличие от северян лесной зоны Подесенья, юго-восточный поселенческий массив большей частью занимал лесостепную зону. Между ними прослеживается 45-километровая «нейтральная» полоса, отделявшая между подесенским Шабалиновым и посеймским Спасским «лесостепных» северян от «лесных». Таким образом, не исключено, что географическая оценка размещения северян по ПВЛ и археологически прослеженные поречные россыпи городищ восходят к делению северянского союза на два малых племени.

Следовательно, русское «обладание» северянами (885 г.) и «полюдь» Константина Багрянородного могло относиться к западной ветви северянского ареала, а легендарные сведения о хазарской дани и запрете Олега ее платить (859 и 884 гг.) относились к северянам «восточным» (Зайцев, 1975, с. 65, 67). Именно окраина последних плотно соприкасалась с землями лесостепного вари-

Рис. 5. Информативность городищ роменской культуры. А – информативный тип 1; Б – условно пригодный к анализу тип 2; В – древние леса. Посеймье: 1 – Титово; 2 – Беседино; 3 – Свобода; 4 – Переверзево-2; 5 – Мешково-2; 6 – Шуклинка; 7 – Гнездилово; 8 – Липино; 9 – Дроняево-2; 10-11 – Погореловка-1 и 2; 12 – Сугрово; 13 – Люшинка; 14 – Жидеевка; 15 – Гнань; 16, 17 – Ратманово-1 и 2; 18 – Старый Город; 19 – Арбузово; 20 – Капыстичи; 21 – Пригородная Слободка; 22 – Тимохино; 23 – Артюшково; 24 – Лециновка; 25 – Волынцево; 26 – Лухтовка; 27 – Латышевка; 28 – Ховзовка; 29 – Волокитино; 30 – Воргол; 31 – Литвиновичи; 32, 33 – Божок-1 и 2. Посулье: 34 – Красный Колядин; 35 – Медвежье; 36 – Монастырище; 37 – Шумск; 38 – Глинск; 39 – Свиридовка; 40 – Гаевщина; 41 – Бодаква; 42 – Васильки; 43 – Городище; 44 – Хитцы; 45 – Лубны; 46 – Лукомье. Псел: 47 – Гочево; 48-50 – Долгий Колодезь 1, 2, 5; 51 – Большой Горналь; 52 – Горналь (Фагор); 53 – Зелёный Гай; 54 – Ворожба; 55 – Каменное; 56 – Кнышевка; 57 – Броварки; 58 – Сары. Ворскла: 59 – Хотмыжск; 60 – Ницаха; 61 – Заречное-2 (Кукуево); 62, 63 – Журавное 1 и 2; 64 – Куземин; 65, 66 – Глинск 1 и 2; 67 – Полтава; 68 – Решетники. Северский Донец: 69 – Карачевка; 70 – Хорошево; 71 – Водяное; 72 – Мохнач; 73 – Коробовы Хутора

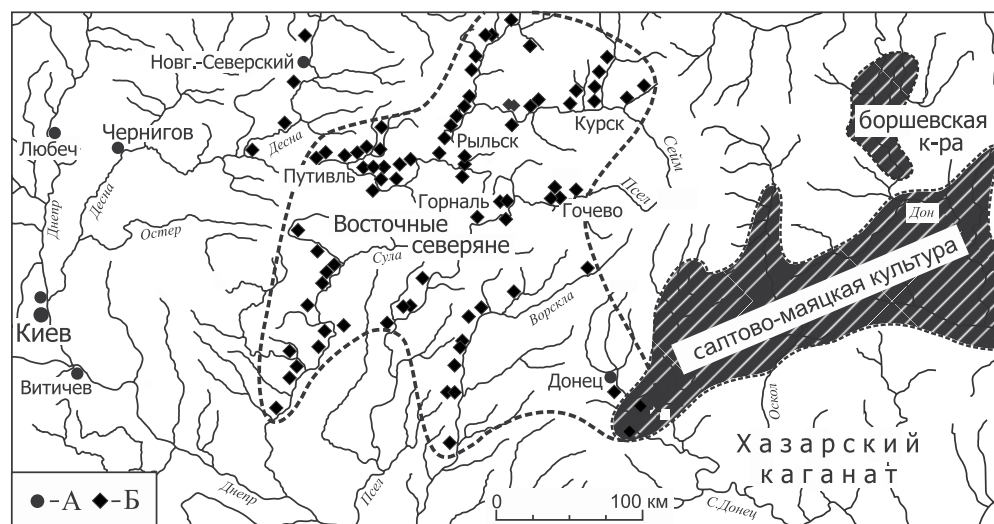

Рис. 6. Географическое сочетание восточных северян с лесостепным вариантом салтово-маяцкой культуры (по Г.Е. Афанасьеву) и Хазарией.
А – летописные города; Б – северянские городища

анта салтово-маяцкой культуры Подонья – алано-болгарами или летописными «ясами» северной окраины Хазарии (Афанасьев, 1987, с. 11, рис. 1). **Рис. 6.**

В какой-то мере это подтверждается распространением продукции древнерусского круга: в западносеверянском Среднем Подесенье, поблизости от дружинных центров, качественная круговая посуда общерусского облика составляла более половины керамического комплекса, а по мере удаления от мест производства ее доля резко уменьшалась. В западном регионе на роменских поселениях известны и предметы скандинавского стиля второй половины X в. (Григорьев, 2012 б, с. 112; Комар, 2012 г, с. 361). Не исключено, что из западных северян Олег набирал северянское ополчение для похода 907 г. на греков, а юго-восточная половина племенного союза сохранила независимость и долго продолжала самостоятельное развитие. В пользу подобного толкования говорит и раннее включение Нижнего Подесенья в орбиту Руси (Комар, 2012 в, с. 157).

Об относительно мирных отношениях восточных северян с Хазарией, исключавших вероятность военных столкновений, в свое время писал еще В.Г. Лясковский (1903, с. 221), и его мнение было поддержано новейшими исследователями. Археологически на это указывает бытование салтово-маяцкого инвентаря на поселениях и в погребениях носителей раннего этапа существования роменской культуры, а также ощутимый алано-болгарский компонент в краниологических сериях из курганных погребений (Сухобоков, 1988 д, с. 53; Сухобоков, Юренко, 1999, с. 289; Покас, 1993, с. 47; 1994, с. 49; Комар, 2012 д, с. 339, 343).

Эта близость особенно ощутима в верховьях Северского Донца, где северянское расселение плотно примыкало к алано-болгарским землям. Более того, в этой зоне соприкосновения северяне создавали собственные укрепления на городищах раннего железного века (Горбаненко и др., 2009, с. 82–92; Гречко, Свистун, 2004, с. 112–114; Колода, 2005, с. 72–82; Колода, 2007, с. 9–13; Колода В. В., Колода Т. А., 2005–2009, с. 250, 251). Поскольку в целом по ряду технологических

показателей Хазария опережала славянский мир, длительная стабильность салтово-роменских взаимоотношений позитивно влияла на материальную культуру не только обитателей «донецкого выступа», но и всех восточных северян.

Стремление Руси к расширению своей территории не могло остаться незамеченным ее ближайшими соседями. Кроме похода 883 г. Олега на древлян, войны 885 г. с уличами и тиверцами, похода на землю радимичей, особый резонанс могли вызвать захват Любеча и присоединение западных северян. Эти тревожные симптомы спровоцировали отток беженцев на север и к юго-востоку. Поэтому появление первых крепостных сооружений (Большого Горнальского, Новотроицкого и Опошни) можно связать с возникшими опасениями о дальнейшей эскалации русской экспансии и стремлением защититься от нее. Судя по данным археологии, в конце IX в. в Горнале произошли существенные перемены: были реконструированы оборонительные сооружения, среди сделанных здесь находок резко увеличилось количество предметов вооружения, на могильнике появились курганы с кремациями на стороне, помещенные в лепные горшки роменской культуры (Куза, 1981, с. 30, 31, 38; Моця, Халиков, 1997, с. 124; Приймак, 2007, с. 61). В Посеймье конца IX – начала X в. началось быстрое освоение поречья р. Тускари, которое становилось плотно заселенной территорией (Узянов, 1983, с. 81). Одновременно фиксируется резкое увеличение количества племенных укреплений во всем восточносеверянском регионе (Григорьев, 2012 б, с. 116; Комар, 2012 г, с. 365). Синхронно укреплялись и пределы Хазарии: в конце IX в. реконструировались укрепления Саркела, создавались крепости Карнаухово и Семикаракорское (Плетнёва, 2003, с. 72, 76, 78).

На северо-западе ареала восточных северян размещение памятников Среднего Сейма и Свапы практически совпадает с южной границей лесов. На северо-востоке этот ареал охватывал верховья Сейма, по течению Сулы самым южным памятником стала замыкавшая предстепье крепость Лукомье. На Псле предел распространения городищ роменской культуры волнообразно отодвинулся севернее, к городищу Сары, а по Ворскле – вновь опустился до Полтавы. Столь же дугообразно от Полтавы южный предел ареала проследовал к верховьям Северского Донца: эта линия, охватывавшая лесные массивы, здесь совпала с границей лесостепной и степной растительности.

Из общей территории распространения северян, раскинувшейся между средним течением Десны и Северским Донцом, которая, по мнению О. В. Сухобокова, насчитывала от 100 до 140 тыс. км² (2012, с. 269), по моим подсчетам, восточносеверянский массив охватывал площадь около 37 тыс. км².

В поречье Сейма ведущей формой расселения считают открытые поселения надпойменных всхолмлений и нижних речных террас (Узянов, 1983; 1988; Узянов, Кашкин, 1989; Узянов, Кашкин, 1990; Григорьев, 2000, с. 54; Енуков, 2005, с. 85–91; Комар, 2012 в, с. 154). Возможно, это соответствует древним реалиям части регионов, скажем, течения Тускари. Но если судить о Посеймье в целом, не следует упускать из виду, что там насчитывают до 60 по-разному изученных городищ (Енуков, 2005, с. 63). Это может составлять 2/3 от всех известных северянских укреплений. Следовательно, структурное лицо региона всё же определял оборонительный фактор.

На сопредельных территориях сплошные обследования производились как исключение, да и лесистые ландшафты не всегда позволяли выявить отдельно размещавшиеся селища. Поэтому для поречий Сулы, Псла и Ворсклы за основную поселенческую форму принимали племенные крепости-убежища, иногда с несколькими открытыми поселениями. В верховьях Северского Донца основным типом поселений считают городища (Кучера, 1999, с. 114; Сухобоков, 2010, с. 565;

Супруненко и др., 2009 б, с. 12; Комар, 2012 в, с. 152, 155). Поэтому обобщенное с учетом всех малых племен соотношение памятников и всего северянского союза позволяет оставить остаток укреплений в качестве ведущего элемента поселенческой структуры и основного источника для изучения северянского расселения (Узянов, 1987, с. 256; Енуков, 2005, с. 63, 64, 178). В любом случае только северянские «городки» отражают особенности сложившейся поселенческой структуры.

В объеме всего северянского ареала М. П. Кучера и О. В. Сухобоков учитывали около 90 городищ (Сухобоков, 1975, с. 19; Кучера, 1999, с. 114). А. В. Комару известно около 250 пунктов, но в их число вошли могильные древности и древнерусские памятники с отдельными роменскими комплексами. А. В. Григорьев расширил исследовательскую географию расселения северян за счет верховьев Оки, Дона и «памятников "роменского типа"». По его мнению, на сегодняшний день точно оценить их количество сложно. Он согласился с А. В. Кашкиным в том, что состояние материала практически исключает использование количественного критерия для сравнительного анализа заселенности различных областей: сопоставления возможны лишь для сравнения небольших территорий. Тем не менее применительно к расширенному ареалу он насчитал около 1000 объектов (Комар, 2012 в, с. 154; Григорьев, 2012 а, с. 368; Кашкин, 2006 а, с. 133–141).

Крепости северян, как правило, были невелики. Среди их городищ наиболее распространенные имели защищенные стенами площадки размерами не более 0,5–0,6 га: это соответствует представлению о племенных твердых-убежищах. В Посеймье подобные укрепления составляли 82 % от их общего числа. Сходная картина наблюдается и в верховьях Северского Донца: там на городищах раннего железного века носители роменской культуры создавали собственные укрепления площадью около 0,5 га (Колода В. В., Колода Т. А., 2005–2009, с. 251).

Размеры крайне незначительного количества крупнейших памятников выходят за пределы 1,9 га (Григорьев, 2000, с. 59; Кравченко, 2011, с. 108–110; Пуголовок, 2013, с. 270). Несколько иными цифрами оперировал М. П. Кучера: по его мнению, площадки около 50 % городищ имели размеры до 1 га, а 25 % – от 1,5 до 5 га (1999, с. 114, 168, табл. 4). О. В. Сухобоков считал, что подобный вывод мог появиться в связи с тем, что множество поселений роменской культуры частично занимало площадки обширных городищ раннего железного века. Там не удастся уверенно установить границы распространения отложений со славянскими материалами (2012, с. 270, 271), это было изучено только в северодонецком регионе. Среднюю позицию занял А. В. Комар: к обычным он отнес памятники площадью от 0,1 до 3 га (2012 в, с. 154).

Северянские городища преимущественно располагались на защищенных природными условиями высоких и узких береговых мысах, склоны которых оснащали подрезками псевдоэскарпов для придания им большей крутизны: этот фортификационный метод типичен для северян. **Рис. 7.** От плато заселенные площадки отделяли древо-земляные валы – руины оборонительных стен двухрядной столбовой и каркасно-столбовой конструкции с внутренней земляной засыпкой. Значительная высота напольных валов является существенным атрибутом укреплений этого времени. Отдельные периоды существования таких конструкций были недолгими: несмотря на скрепление частокольных рядов поперечными перемерками, уплотнение засыпок создавало направленное наружу внутреннее напряжение, осложненное подгниванием дерева. Это требовало учащения ремонтов, откуда происходило быстрое увеличение высоты валов. Около середины X в., по крайней мере, в крупнейших центрах появились и стены из цепочек городней – засыпных бревенчатых срубов (Моргунов, 2008, с. 35, 36; 2009, с. 42–44; Григорьев, 2012 б, с. 100–112).

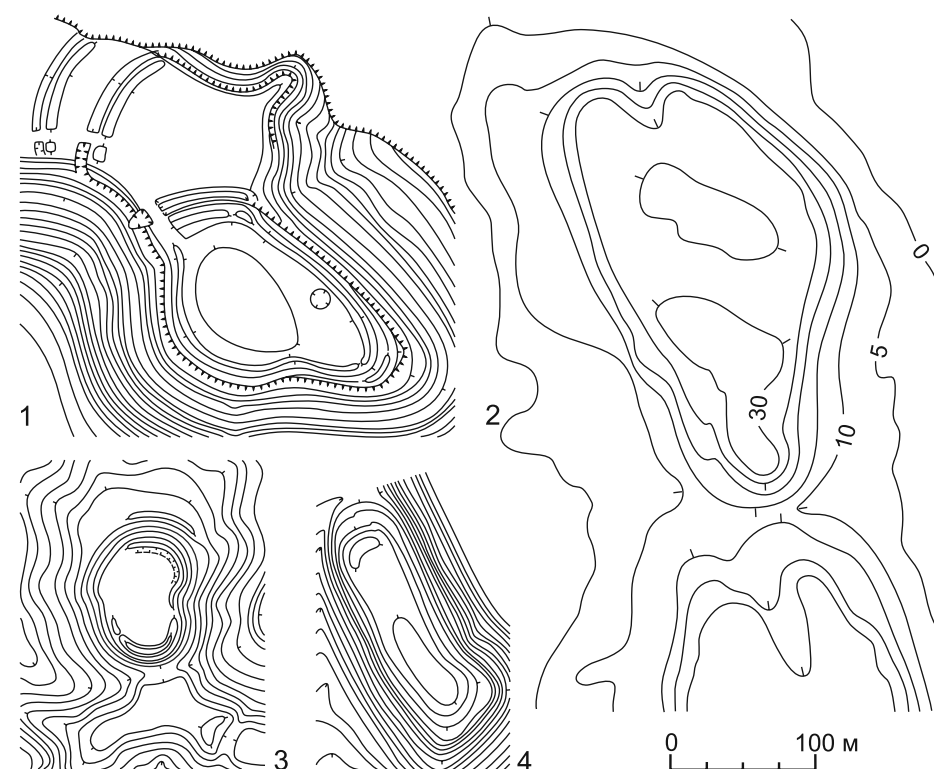

Рис. 7. Мысовое размещение северянских и северянско-древнерусских городищ. 1 – Заречное-2; 2 – Рыльск; 3 – Горки-2 (Сейм); 4 – Спасское-2 (Лобанова Гора на Сейме). № 2 – по О. Н. Енуковой (2007, рис. 6), остальное – по съемкам А. В. Коротки и Е. Н. Осадчего

При картографировании памятников изгибы водных артерий визуально изменяли свойственный северянам приречный принцип расселения. Поэтому в литературе закрепилось представление о том, что укрепления располагались не только цепочками, но и «гнездами» или «кустами», насчитывавшими до 7–12 памятников с промежутками протяженностью до 30–40 километров (Седов, 1982, с. 135; Сухобоков, 1975, с. 19; 2010, с. 565; Приймак, 1993 а, с. 96, 97). Прослеживаемое таким образом существование «гнезд» предполагает деление северянских союзов племен на меньшие поселенческие средоточия.

Как показывают приведенные разночтения в суждениях ученых, исследованность остатков древних укреплений информативно неравноценна. Поэтому имеет смысл напомнить о предложенной А. В. Кузой шкале источниковедческой оценки качества памятников: он делил древнерусские городища на четыре типа (1989 а, с. 35).

К первому типу были отнесены памятники, изученные широкими площадями: это дает наиболее представительную коллекцию вещей, построек и остатков оборонительных сооружений. Во второй тип вошли городища, подвергавшиеся небольшим раскопкам или обследованные разведками высокого методического уровня. Под ними понимается вскрытие культурного слоя несколькими шурфами площадью не менее 4 м² и производство разрезов внутрен-

них сторон валов: это позволяет уверенно оценивать время возведения оборонительных сооружений поверх более ранних наслоений (Моргунов, 2009, с. 15, 16). Под третьим типом А. В. Куза подразумевал укрепления, обследованные без вскрытия культурных напластований. Сборы подъемного материала широко отражают эпоху их существования, но в случае наличия на площадке разновременных («многослойных») культурных напластований определить хронологию каждого этапа из подобного каскада невозможно. И наконец, к последнему типу были отнесены памятники с недостаточно четкой оценкой их культурно-хронологического облика. Их появление в научном обороте можно связать с деятельностью краеведов и былыми сплошными разведками-объездами. В те времена горсть лежавшей на поверхности керамики была достаточной для обобщенной датировки памятников.

Степень изученности северянских поселений исследовалась и А. А. Узяновым. Он проанализировал сложности при выделении городищ роменской культуры из множества памятников с разновременными напластованиями (Узянов, 1993, с. 81–83). Недостатки неполно изученного множества памятников красноречиво показаны В. В. Енуковым, считавшим, что бесспорное соотнесение некоторых объектов с роменским временем невозможно (2005, с. 69). В качестве характерных примеров можно привести посульскую Басовку, где обломки северянской керамики встречаются и на гребнях распаханых валов. Это свидетельствует о том, что северяне заселили эти урочища после того, как крепостные стены предшествующего времени обратились в руины-осыпи укреплений.

Думается, что в данном случае можно взять на себя смелость упрощения схемы А. В. Кузы, сокращения ее до трех групп: это информативный тип 1 и пригодный для анализа тип 2. А к слабоизученному типу 3 можно отнести памятники, маркированные уважаемым предшественником как типы 3 и 4, ниже они не учитывались. Не рассматриваются здесь и малоизученные укрепления городища с разновременными напластованиями. Отметено и большинство сооружений с типичными для раннего железного века многовальными укреплениями, и древнерусские округлые в плане очертаний – их датировка роменским временем давно поставлена под сомнение. За скобками оставлены и невыразительные памятники с утраченными валами и незначительной долей северянской керамики. **Рис. 5.**

В итоге в поречье Сейма более или менее пригодными для идентификации с северянскими укреплениями оказалось около 74 % от декларированного в литературе количества роменских городищ. Это высокий показатель: в среднем на Руси только 61,8 % от общего числа учтенных объектов обладают достаточно документированной информацией, которая позволяет производить достоверные количественные сопоставления (Узянов, 1993, с. 82).

Высоки показатели (75 %) и степени изученности укреплений Посулья, хотя и об этом регионе известно много литературных несуразностей. Так, несмотря на поиски, не найдены достоверные роменские укрепления в Снитине; в Повстине мизерное количество лепной керамики найдено только на посаде округлого в плане памятника летописного города. Можно было бы изъять из анализа и плохо сохранившиеся укрепления Городища на Многе, но отнести его к пригодным для анализа городищам осторожно склоняет небольшое количество найденной там лепной позднесеверянской керамики в сопровождении круговой манжетовидной, а также материалы курганных могильников. На существование протяженной поселенческой лакуны указывает обнаруженная там гончарная керамика развитого облика, относящаяся к XII–XIII вв. (Моргунов, 1996, с. 89).

Определенные трудности возникают с идентификацией городища Верхний Вал в г. Лубны, отличающегося сложной структурой и обширными размерами остатков позднесредневековой крепости. Но следы оборонительных сооружений роменской культуры раскопками не обнаружены (Сухобоков, 1988 а). Тем не менее условно внести памятник в категорию более или менее информативных заставило зафиксированное Н. Кузнецовым необычно крупное открытое поселение (Кузнецов, 1948), позже усложненное появлением там древнерусского города.

В Попселье пригодно для изучения 69 % северянских укреплений. Среди изъятых из дальнейшего изучения можно назвать знаменитую Шпилевку, представляющую собой овальный в плане останец с низким валом по его периметру, на котором встречена керамика XII–XIII вв. Лепная керамика известна только за пределами останца, а местонахождение знаменитого клада «под горой Бойковой» так и не установлено. Обследованность памятников течения Ворсклы и ее притоков приближается к 60 %. По недоразумению в число роменских попало округлое в плане укрепление Городное на р. Мерл: открытое северянское поселение и синхронные ему курганы расположены южнее городища, на возвышенности правого берега реки при впадении в нее р. Мерчик (Моруженко, 1976, с. 350; Колода, 2003, с. 130).

Высокой степенью изученности отличаются памятники вплотную примыкавшего к салтовскому ареалу северодонецкого северянского средоточия. Новейшие исследования городищ этого региона позволили сделать множество тонких наблюдений о сущности поселенческой структуры носителей роменской культуры всей восточносеверянской общности.

Таким образом, включая непронумерованные на карте городища на месте будущих летописных городов, в целом на изучаемой территории можно насчитать 73 памятника первого и второго типа информативности. Но и это не окончательные цифры: хочется надеяться, что в будущем представленная картина получит значительные положительные коррективы.

Как и в иных подобных примерах, на пути изучения северянских древностей случались недоразумения или ошибки. К подобным казусам относится гипотеза о строительстве племенных городков для защиты от печенежских нападений, когда «все силы северян были сосредоточены на отражении печенежских набегов» (Рыбаков, 1972, с. 17; Шинаков, 1991, с. 82; Сухобоков, 1994, с. 14; Григорьев, Сарачев, 1999, с. 342; Михайлова, 2010, с. 67; Сухобоков, 2010, с. 566). И всё же порой считают, что Левобережье якобы стало «легкой добычей печенегов», занявших северянскую землю вплоть до Сулы (Голубовский, 1881, с. 53; Сухобоков, 1975, с. 154; 1988 е, с. 30; 1992, с. 197; Сухобоков, Юренко, 1999, с. 287; Коринный, 1992, с. 59).

Итогом подобных недоразумений стала поддержка О. В. Сухобоковым гипотезы краеведа Ю. А. Липкинга о том, что цепочки береговых северянских укреплений – это состоящий из нескольких защитных линий «глубоко эшелонированный оборонительный район», защитивший Русь от кочевнических вторжений (Липкинг, 1968, с. 133, 134; Сухобоков, 1975, с. 150–154). М. П. Кучера справедливо возражал, что в родоплеменных общественных условиях планомерное строительство оборонительных линий на таком широком пространстве было невозможно (1999, с. 114).

Полагаю, что перечисленные выше опасения за судьбы восточных северян сильно преувеличены. Вряд ли печенеги могли принести катастрофический урон населению, способному укрываться в убежищах, единообразно возведенных среди лесных массивов: кочевники воевали на открытых пространствах и избегали углубления в лес. Так, на Суле цепь русских крепостей, защищавших от более

могущественного противника, была плотной (через 3–7 км) на степном берегу и сильно разрежена (через 15–30 км) на лесных участках обороны (рис. 3: 2, 5). Столь же красноречивы полевые дороги степняков, вьющиеся по обширным прогалинам между лесами в преддверии путивльских «полю ворот» или в бужском «степном коридоре» Правобережья перед летописными «Воротцами» Поросья. Выразительными представляются и особенности расселения степных федератов («своих поганых») на русских приграничных территориях: классическим примером является открытое «Перепетово поле» междуречья Роси и Стугны, обрамленное прибрежными лесными массивами (ПСРЛ, т. 1, с. 357; т. 2, с. 672). Выше упоминалось и о позднесредневековых государственных и общинных мероприятиях по защите лесов на степных рубежах: там также существовала необходимость в защите поселений от татарских набегов.

Следует обратить внимание и на зафиксированную летописными источниками среднюю глубину проникновения печенегов в оседлые земли. Эти свидетельства касаются русской территории несколько более позднего времени, но сходство ландшафтных условий и неизменность тактики печенегов позволяют считать такие аналогии сравнимыми.

Так, из четырех зафиксированных источниками набегов три (в 968 г. на Киев, в 996 г. на Василев и в 997 г. на Белгород) пришлось на Правобережье Днепра, куда печенеги добирались известными им путями. Из них Василев располагался в 30 км от «Воротцев», но в рассматриваемое время оборонительной системы Владимира Святославича еще не было, поэтому город располагался именно на степном рубеже. На переломе лесов и степей размещался и Белгород на р. Ирпень: туда печенеги могли попасть из бужского «степного коридора» через верховья Здвижа, где при Владимире Святославиче появилось ограждение из четырех линий Змиевых валов. На восточном краю залесенных киевских владений располагался и Переяславль.

Остается Киев, расположенный в 23 км по проторенной дороге к востоку от пограничного Белгорода. Но с уводом Святославом войск в Византию город и дорога остались беззащитными. Вышесказанное склоняет к выводу о том, что от печенегов не следовало ждать глубокого проникновения и на залесенные северянские земли, изобиловавшие крепостными сооружениями (Моргунов, 1999, с. 75–77). Подобной точки зрения придерживались крупнейший специалист по кочевническим древностям, а также исследователь северянского Посеймья (Плетнёва, 2003, с. 117; Енуков, 2005, с. 307).

Действительно, следов печенежских пожаров не обнаружено в лучших изученных Горнале и Гочеве, а также в синхронном поселении Мацковцы, расположенном близ приднепровской дороги степняков на Киев. Не выдерживает критики и былое убеждение в том, что именно из-за степной угрозы прекратило существование подавляющее большинство роменско-боршевских поселений Среднего Дона и верховий Северского Донца. По Константину Багрянородному, кочевники проникли в Причерноморье в самом конце IX в. (1989, с. 155). Еще позже степняки попали в поле зрения Руси: в ПВЛ заключение мира с Игорем и их уход на Дунай зафиксированы только под 915 г. (ПСРЛ, т. 1, с. 42). А строительство множества северянских племенных укреплений началось уже в конце IX в., то есть оно не было связано с печенежской угрозой. Так, донская крепость Титчиха существовала до конца X в. (Москаленко, 1965, с. 149); крепость Воргол – до XI в. (Пряхин, Тропин, 2008, с. 98, 99), до середины XI в. продолжалась жизнь на Животинном укреплении (Винников, 1995, с. 106, 123, 125). По новым данным, Донецкая крепость погибла в связи с хазарским походом Святослава, а на соседних с нею городищах

древнерусская гончарная посуда появилась лишь на рубеже X–XI вв. (Комар, 2012 в, с. 156). Нет следов печенежских погромов и в лучшей изученной Полтаве, на ворсклинской окраине северянского ареала (Супруненко, 1998 а, с. 78); лишь в конце X в. в пожаре погибло и Хотмыжское укрепление (Дяченко, 1993, с. 34).

Таким образом, к представлениям о северянских эшелонированных оборонительных линиях и о Левобережье как о легкой добыче печенегов следует относиться осторожнее.

Сухопутные пути эпохи Святослава

Как и в других странах, на Руси существовали водные и сухопутные, торговые и военные дороги. Благодаря подробному, описанному Константином Багрянородным днепровскому пути и соответствующей приречному славянскому расселению концентрации монетных кладов по берегам рек, поначалу в литературе сложилось представление о приоритетной значимости водных путей. Но они не решали всех проблем повседневного перемещения людей и грузов, а движению против течения мешал быстрый противоток: подобно бурлакам, путникам приходилось выходить на берег и там опасаться нападений грабителей или кочевников. Относительно безопасными были только крупные русла с удаленными от берегов фарватерами. Немногим помогало движению и большинство бифуркаций между истоками рек: они были проходимы в весенние разливы или использовались как волоки. Сухопутные дороги не только связывали соседние и отдаленные населенные пункты внутренней территории, но и служили внешнеторговыми и даже трансконтинентальными караванными трассами (Леонтьев, Носов, 2012). А в случае возникновения внешней опасности даже наиболее устойчивые трассы нередко нуждались в военном контроле и защите.

В недатированной части ПВЛ упоминалось о погребальных обычаях северян, радимичей и вятичей: они собирали трупосождения в урны, установленные на столбы «на путях» (ПСРЛ, т. 1, с. 14). Нередко представление о неудобстве сухопутных путей подтверждали летописным известием о сложности налаживания ратного пути из Киева в Новгород. В 1015 г. киевский князь Владимир Святославич распорядился «требить пути и мостить мосты», чтобы вывести войско к Новгороду и наказать мятежного сына Ярослава (ПСРЛ, т. 1, с. 130). Следствия этого эпизода объявляли провалом попытки Владимира наладить «прямоезжие» пути на север: они не стали постоянными трассами и были позабыты (Воронин, 1951, с. 307, 308; Топальский, 2003, с. 165). Но еще в середине X в. полуднем затрагивалась значительная часть лесной зоны. Конечно, в начале XI в. постоянное существование прямой (не всегда удобной) трассы через леса, заселенные еще не присоединенными к Руси племенами, было нереально. Но к XII веку регулярные перемещения войск указывают на стабильное сухопутное сообщение между севером и югом Руси.

В действительности водные и сухопутные пути составляли единую дорожную систему. Зимой водные пути превращались в сухопутные (летописная оговорка: «бѣ бо снегъ великъ»): ледяная стремнина очищалась от снега ветрами (Ибн-Фадлан, 1939, с. 58; ПСРЛ, т. 2, с. 653). И для летних сезонов отсутствие конного или пешего сообщения между соседними поселениями представляется невероятным. Так и крепости, удаленные от основных поселенческих центров, имели налаженную дорожную связь с синхронными пунктами внутренних территорий.

Впрочем, общие принципы пролегания и эксплуатации водных и сухопутных путей в литературе уже разбирались (Толочко, 2008; Моця, 2010, с. 30–32).

В отличие от лесной зоны, передвижения по лесостепи более удобны. Основным препятствием служили заболоченные поймы рек, рассеянные устойчивыми бродами. Подтверждением их существования являются разовые или дублирующие летописные свидетельства о перемещениях войск или купеческих караванов. Зачастую отрывочные сведения о направлениях устойчивых домонгольских путей повторяются в позднесредневековых источниках, а важнейшие из них впоследствии обращались в шоссе и железные дороги с мостами вблизи бродов. Тем не менее применительно к рассматриваемому времени достоверных сведений о более или менее точном пролегании на Левобережье сухопутных путей нет.

Еще В. Г. Ляскоронский на основании хронологической совокупности всех передвижений с высокой степенью точности наметил порядок прохождения военных и торговых путей из степей на Русь через Нижнее Посулье. За наиболее древнюю трассу он принимал приднепровское направление через низовья Орели, Ворсклы, Псла и Сулы. Действительно, средние течения левых притоков Среднего Днепра изобиловали лесами и множеством притоков, которых не было в их низовьях, где через заболоченные поймы пролегали твердые броды. Кочевники могли двигаться на Русь возвышенной полосой коренного левого берега Днепра, представлявшей собой луговую и ковыльную степи с обширными массивами засоленных земель, которые Русь долго не осваивала, поэтому перемещения кочевников были безопасными (Ляскоронский, 1907 б, с. 1–11; Фоменко, 1964, с. 26; Рыбаков, 1971, с. 164; Моргунов, 1998, с. 6–8).

Судя по более поздним источникам, тактика пересечения кочевниками рубежей оседлых земель имела свои особенности: перед вторжением в пределы оседлых государств степняки делили воинство на небольшие отряды. Это позволяло рассеяться для менее заметного пересечения рубежей (Галл Аноним, 1961, с. 81; Боплан, 1990, с. 62). Длительное существование подобной тактики подтверждается множеством письменных источников XVII–XVIII вв. и свидетельством близких к современности топонимических сведений. На степном отрезке Нижней Сулы самой северной точкой, близ которой зафиксировано прохождение «злодейских» и «татарских» трактов и шляхов, было устье р. Снепород, где размещается городище летописного г. Снепорода. Южнее аналогичные топонимические указания на трассы кочевников известны близ Оржицы, Горошина и Великой Буримки-Римова. Археологические памятники Жовнина расположены у подножья мысовидного выступа высокого плато, обрывающегося к долинам Сулы и Днепра. Мимо этого села также следовал «злодейский тракт», он был известен как «Мамичев брод и сага (дорога. – Ю. М.), называемая Лебеховкою». Зафиксированная у Жовнина «цареградская» трасса соединяла Переяславль, Золотоношу и Кременчуг. Ее отрезки засвидетельствованы близ Гельмязова и Калеников, в виде «злодейского» и «татарского» шляхов эта трасса выходила к Переяславлю (Максимович, 1877, с. 340; Лазаревский, 1896, с. 98, 134, 199; Ляскоронский, 1903, с. 153; 1906, с. 4; 1907 б, с. 3, 42; 1911, с. 1). Таким образом, проторенная кочевническими трассами путевая полоса занимала весь степной промежуток между Снепородом и Воинем, насчитывая ширину (с учетом береговых изгибов) немногим менее 100 км.

Возможно, древнейшей записью о приднепровской дороге кочевников является легендарное сообщение ПВЛ под 898 г. о приходе венгров. «Идоша угри мимо Киевъ горою, иже ся зоветь ныне Угорьское, и пришедъше къ Днѣпру, и стаща

вежами» (ПСРЛ, т. 1, с. 25). Трасса этого движения кочевников на новую родину прослеживается с Нижнего Дона: по Константину Багрянородному, для защиты от них греки построили хазарам Саркел. Для дальнейшего движения на запад расчлененный и насыщенный заболоченными притоками правый берег Днепра неудобен. Лучшей дорогой было ровное плато левобережного Приднепровья – часть устойчивой торговой трассы, на востоке начинавшейся как северо-западный отрог Великого шелкового пути (Приймак, 2007, с. 80).

О древних путях можно судить и по цепочкам кладов восточных серебряных монет. В свое время В. Л. Янин на материалах распространения разновременных восточных кладов показал, что на Русь дирхемы попадали двумя путями. С конца VIII до начала XI в. они заимствовались через рынки Волжской Болгарии, служившие воротами для торговли с Востоком (Янин, 2009, с. 119, 120). Оттуда в разные уголки Руси арабские монеты перевозили водными путями. В частности, в Киев серебро попадало окским водным путем и в X в. в транзитном снабжении Среднего Поднепровья восточной монетой значимую роль стало играть поречье Сейма.

Перемещение монет через восточносеверянские земли в последние годы изучалось В. В. Енуковым, учитывавшим и полевое исследование ландшафтной обстановки региона (2005, с. 148). По его мнению, связующим звеном бассейнов Оки и Сейма служило Самодуровское озеро, ныне ставшее влажным торфяником. Из него на север вытекала р. Очка, а на юг – Свапа (правый приток Сейма) и Снова (приток Тускари). На последние реки приходится подавляющее большинство известных в северянском ареале кладов восточных монет. Далее серебро по Сейму и Десне попадало в Чернигов и Киев.

В связи с этим определенный интерес представляет гипотетическое определение вероятного движения войск Святослава Игоревича по пути в Хазарию. Согласно сообщению ПВЛ под 964 г., князь осуществил поход «на Оку рѣку и на Волгу, и нальзе вятичи»: путь из Киева для кругового объезда земли вятичей следовал вверх по Десне. В итоге Святослав переориентировал хазарскую дань вятичей на Киев. В следующем году он провел успешную военную кампанию против Хазарии и вернулся в Киев (ПСРЛ, т. 1, с. 65; т. 2, с. 53; НПЛ, с. 117; Шахматов, 2001, с. 393). Упоминание Волги в первом сюжете послужило основанием для предположения о войне с Волжской Булгарией и буртасами. Но похоже, эта информация, основанная на разночтениях арабских источников, не подтверждается: достоверных сведений о враждебных действиях между Киевом и Булгаром нет вплоть до 80-х годов X в. (Калинина, 1976, с. 95–97). Таким образом, допустимо, что на юг Святослав мог направиться непосредственно после объезда земли вятичей.

Впрочем, подсчет количества походов на Хазарию не одинаков: каждый вариант имеет своих сторонников. С одной стороны, не вполне убедительные погодные даты ПВЛ допускают объединение под 965 годом поход на вятичей, затем в Итиль и на ясов с касогами, в результате чего была завоевана Тмутаракань, а на обратном пути был разрушен Саркел (Артамонов, 1962, с. 427, 428; Петрухин, 1995, с. 103, 104). Другая группа исследователей с опорой на известия Ибн Хаукаля считает, что в 968/69 гг. часть русских войск, участвовавших в балканских войнах, вновь подвергала разорению основные города Хазарии (в том числе Итиль и Семендер), что привело к падению каганата. Впрочем, по мнению С. А. Плетнёвой, Хазарский каганат окончательно рухнул под ударами печенегов, которые в конце IX – самом начале X в. ворвались в южнорусские степи (Плетнёва, 1975, с. 263; Калинина, 1976, с. 96, 97, 100; Новосельцев, 1990, с. 225–227; Коновалова, 2003, с. 230, 231).

Не исключено, что направление движения Святослава на юг могут фиксировать некоторые клады куфических монет, укрывавшиеся по мере возникновения опасности для их владельцев из-за военных действий. Датировка кладов по младшей монете удобна, но всё же условна: время укрытия сокровищ могло быть несколько иным (Янина, 2009, с. 80–83). Так, археологически прослеженный разрыв между датой младшей монеты и временем зарытия двух новгородских кладов насчитывал от 15 до 25 лет, но мог быть и несколько меньшим (Янина, 1963, с. 288).

Подобная обстановка складывалась на путевых трассах и в связи со следованием воинства Святослава. После попытки «окняжения» вятичей князь нуждался не только в продовольствии и фураже, но и в пополнении войска людскими ресурсами: впереди ожидал путь через степи к новым битвам. Отсюда логичным представляется путь его отрядов через северянские земли параллельными маршрутами вдоль сложившихся магистралей движения серебра по течениям Свапы и Тускари. В этом районе более или менее сравнимы со временем прохождения Святослава клады, укладываемые в приведенные выше новгородские промежутки «чеканка–укрытие». К ним можно отнести: Рать, 1999 г. (940/41 г.); Курск, 1946 г. (942/43); Курск 1999 г. (947/48); Береза, 1910 г. (951/52); Курск, 1998 г., младшая монета 954/55 (Янина, 1963, с. 288; Енуков, 2005, с. 151–154, табл. 4; Леонтьев, Носов, 2012, с. 391, 392). А позднее клады выпадали в связи с началом присоединения к Руси северянских земель, о чем подробнее речь пойдет ниже. **Рис. 8.**

Безусловно, это лишь предположение, укладываемое в определенный период и направление движения войск «от вятичей»: с ним исследователи связывают гибель Большого Горналя и Гочева. Достоверность датировки гибели горнальского поселения обеспечена найденным в сгоревшем жилище местным подражанием саманидскому дирхему 60–70-х годов X в. (Куза, 1981, с. 29, 38). Судя по обилию в нем хозяйственного инвентаря и украшений, пожар случился внезапно и сохранил «моментальный снимок» ассортимента использовавшегося жителями бытового и хозяйственного инвентаря. Столь ранняя датировка начала освоения Русью курского Посеймья и верховой Псла подтверждается и тем, что в гочевском некрополе встречены погребения X в., а к рубежу X–XI вв. общерусский погребальный комплекс там уже господствовал (Шинаков, 1991, с. 90; Моця, Халиков, 1997, с. 132).

Гочево располагалось вблизи удобного прохода в степи между истоками Сейма и Псла. Оно могло стать коммуникационной вехой и опорной военной базой на переломе от русской лесостепи к ковыльным степям близ, возможно, уже существовавшей торговой дороги в направлении Болгара, о которой речь пойдет ниже. Дальнейший путь воинства Святослава маркируют гибель в пожаре донецкого городища и находки поблизости от него скандинавского вооружения X в. (Комар, 2012 в, с. 156). Таким образом, после Гочева и Горналя движение могло продолжаться через ворсклинские броды напротив Ницахи и Хотмыжска к северянским укреплениям верховой Северского Донца и далее в Подонье. В качестве торговой дальнейшая трасса прослеживается по нумизматическим и археологическим материалам (Любомиров, 1923, с. 17–20; Дьяченко, 2005, с. 69, 70; Леонтьев, Носов, 2012, с. 396).

Было бы логично заключить эту главу анализом получившей широкий резонанс гипотезы Б. А. Рыбакова о существовании во второй половине X в. караванной дороги Киев – Болгар. Но в связи с высказанной его последователем вероятностью существования этого пути и позже имеет смысл отложить его рассмотрение. Это позволит проанализировать оба варианта более последовательно, сохраняя обе исследовательские нити.

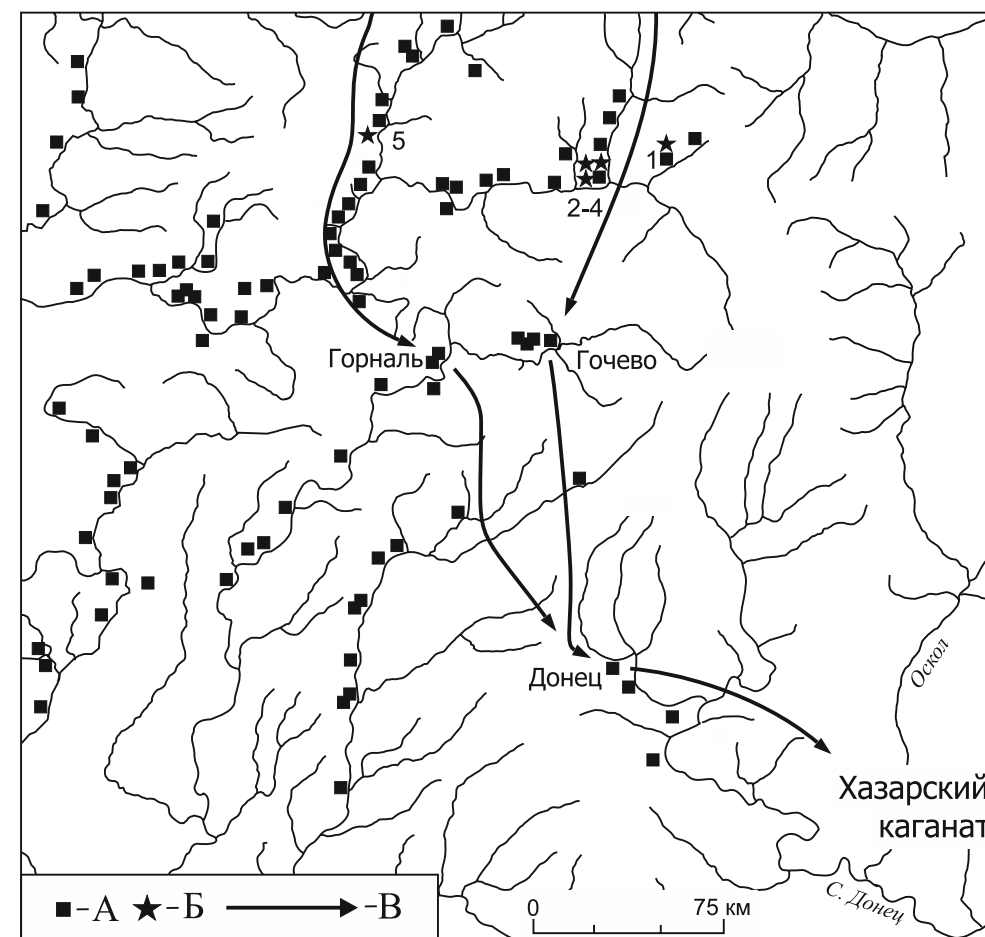

Рис. 8. Гипотетическое направление пути Святослава в Хазарию.
 А – северянские городища; Б – клады восточных монет;
 В – вероятный маршрут пути князя Святослава из земли вятичей в Хазарию.
 Близкие по времени выпадения клады Посеймья с указанием младших монет:
 1 – Переверзево, 2002 (958/959 гг.); 2 – Рать, 1999 (940/941 гг.);
 3 – Курск, 1998 (954/955 гг.); 4 – Курск, 1946 (942/943 гг.);
 5 – Курск, 1999 (947/948 гг.); 6 – Береза, 1910 (951/952 гг.)